Ив. Чеканинский.

Восстание киргиз-казаков и кара-киргиз в Джетысуйском (Семиреченском) крае в июле—сентябре 1916 года.

(К материалам по истории этого восстания).

Ив. Чеканинский.

Семиреч. Географическое Общество БИБЛИОТЕКА

Восстание киргиз-казаков и кара-киргиз в Джетысуйском (Семиреченском) крае в июле—сентябре 1916 года.

(К материалам по истории этого восстания).

Вопрос о киргизском восстании, вспыхнувшем в июле месяце в Джетысуе в 1916 году, а в августе охватившем уже все концы его, нельзя рассматривать в плоскости „мятежа", как это делается некоторыми исследователями ибо мятеж в данном случае, по нашему мнению, определяется: 1) наличием недовольства населения различного рода мероприятиями, исходящими от непосредственно соприкасающимися с населением местной власти и идущими в разрез с требованиями и нуждами его противоречащими общей политике и директивам центральной власти и 2) определенно замкнутыми границами территории, внезапностью и неорганизованностью выступления, имеющего своей конечной целью апеляцию к органам власти, руководящей из центра.

Многих признаков указанных здесь и определяющих понятие „мятеж", мы в киргизском выступлении 1916 года не видим, ибо киргизское выступление было в большей части организованным, одновременным восстанием, подготовленным целым рядом лет той уродливо-ненормальной „инородческой" политикой, которую вели не только органы местной власти, но и центральное правительство, поэтому конечной целью выступления были не апеляция, а желание угнетенной национальности, путем самостоятельной и массовой борьбы, сбросить с себя иго и цепи рабства и расчистить путь к политической свободе нации, к самоопределению и экономической независимости. Точно также и территория выступления не ограничивается рамками административных делений (волость, уезд или губерния), а охватывает собой более широкие, этнографические границы, включающие всю территорию с населением определенной национальности, в данном случае, киргиз-казаков и кара-киргиз всего Туркестана и южных степей Западной Сибири. Восстание в Джетысуйском крае, это лишь один из эпизодов общего киргизского восстания.

Провокационная деятельность местных властей, приказ о „реквизиции“, угнетающая политика более сильной и господствующей нации и, наконец, ряд других второстепенных моментов служили, конечно, не главными мотивами сегодняшнего восстания, оно как указано выше, было вызвано целым рядом исторических причин, которые издавна накоплялись и, наконец, вылились в форму восстания. Провокационная-же деятельность власти, приказ о „реквизиции“, лишь ускорили это восстание и подняли сигнал к нему.

Нельзя также отнимать от киргиз самодеятельности и активности в этом восстании и навязать им „покорность“ перед настоящим, „неизвестность“ перед будущим, „испуг“ перед „вооружением русского населения“, перед бесчинством русской администрации и перед той „бабой“, которая разыскивала по станице батрака-киргиза чтобы убить его. И во всяком случае не это послужило причиной неудачно окончившегося восстания. Причины этому лежали более глубже и мотивы были наиболее основательны.

К сожалению мы не имеем вполне достаточных исчерпывающих материалов, чтобы дать правильную оценку киргизскому восстанию и рассмотреть его в исторической перспективе—эта работа будущего историка-обществоведа, которому посчастливится вскрыть еще дремлящие и покрытые пылью архивы.

Можно полагать, что большой материал по киргизскому восстанию 1916 года имеется в архивах Джетысуйском, Ташкентском, Оренбургском, Семипалатинском и архивах уездных городов, непосредственно затронутых восстанием.

Мы же могли ознакомиться с одним архивным делом Семиреченского (Джетысуйского) Областного Статистического Комитета и то случайно, в 1921 г. Дело это под № 39 находилось в куче других дел Комитета, сваленных на вышке в Семиреченском областном народном музее. Озаглавлено оно было „О киргизских беспорядках в Семиречьи“ и содержало в себе частью оригиналы и копии с донесений волостных управителей, уездных начальников и других лиц о течении „беспорядков“.

Судя по резолюциям и адресам, часть этой переписки была прежде направляема в Областное Управление, а затем пересылалась в Статистический Комитет. В этом же деле имеется несколько, неизвестно кем (секретарем К-та В. Е. Недзьедским?) написанных листов, содержащих в себе попытку суммировать донесения. Все дело состоит из 127 четверть-листов, полулистов и листов.

Просматривая это дело, мы сделали из него необходимые выписки, легшие в основание, главным образом первой части, настоящей статьи.

Кроме этого материала нам известна общего характера статья С. Миндлина „Киргизы и Революция“ и специально посвященная

вопросу статья Г. И. Бройдо „Материалы по истории восстания киргиз в 1916 г.“ (показание данное 3-го сентября 1916 г. тов. Г. И. Бройдо Прокурору Ташкентской Судебной Палаты по делу „О киргизском восстании 1916 г.), из которых первая помещена в 1924 году в книге V-й (стр. 217—229) и вторая в книге VI-й (стр. 400—434) журнала „Научной ассоциации востоковедения СССР Новый Восток, издающегося в Москве под общей редакцией М. Павловича. Эта же статья вышла отдельным оттиском под заглавием „Восстание киргиз в 1916 году“ (Москва, 1925 г. стр. 1—28).

Имеется еще очерк Е. Федорова „Байтас“ (из киргизских восстаний), помещенный в III-й книге литературно-художественного и научно-публицистического журнала „Красная Новь“ за 1922 г., издающегося в Москве—Ленинграде, но с содержанием этого очерка нам не удалось познакомиться.

Значительно позже, когда уже настоящая статья была написана, автору ее удалось познакомиться с очерком А. Брискина (В стране Семи рек. Очерки современного Семиречья. С предисловием Н. Тюлякулова. Москва—Ленинград, 1926 г. стр. 141), одна из глав которого посвящена киргизскому восстанию в Семиречьи, и бегло, просмотреть небольшой, но интересный материал по восстанию казак-киргиз в Семипалатинской области.

Небольшое, по своим размерам, восстание Семипалатинских казак-киргиз не могло принять таких острых и широких форм, как это было в Джетысуе. Главным образом потому, что Семипалатинские казак-киргизы не были столь организованы и вследствии того, что Семипалатинская областная администрация своевременно распределила военные части в местах, где ожидалось восстание. Карательными, жесткими мерами открытое недовольство киргизского населения было подавлено.

Дело о киргизском „мятеже“ в Семипалатинской области в настоящее время хранится в Семипалатинском губернском архиве в делах крестьянского отделения в 9 и 10 томе описей и в делах Управляющего областью в 10 томе. Часть этого дела использована Б. Г. Герасимовым для статьи, „О киргизском восстании в Семипатинской области“.

Возвращаясь несколько обратно, мы не можем не отметить, что быть может наши рассуждения во второй части статьи будут не вполне соответствовать материалам первой части, изображающим ход самого восстания, но это только потому, что эти материалы, взятые из оффициальных сообщений, безусловно, имеют оттенок тенденциозности, чем немного погрешно и показание Г. И. Бройдо, данное Прокурору Ташкентской Судебной Палаты.

Как вообще вопрос о киргизском восстании 1916 года, так в частности и в Джетысуе, не может не интересовать широкие массы,

особенно киргизского населения, на своей шее испытавшего жесткие удары царской колонизационной политики, поэтому нашей задачей и явилось по возможности полно обрисовать один из таких моментов, едва не стерших с лица земли значительный по численности и духовным запросам и качествам народ, перед которым впереди стоят завершение политического и государственного оформления и широкие экономические перспективы.

Насколько вопрос этот интересует киргизские массы, видно хотя бы из той предпосылки, которая была сделана для настоящей статьи в киргизском журнале „Тан“ (Заря) [1]).

I.

ВОССТАНИЕ.

По донесениям, полученным от уездной и волостной администрации, брожение среди киргизских масс последовало в июле месяце, в связи с опубликованием приказа (1 июля) о „реквизиции“ туземцев на тыловые работы.

Это брожение началось целым рядом назначительных эксцессов, которые в массе своей, носили характер ослушания и пассивного сопротивления призванных. Основным настроением массы были тревога и опасение перед стоящей впереди задачей активного сопротивления приказу, вследствии чего в это уже время стало ярко вырисовываться два течения среди киргизского населения: одно—явно враждебное приказу, другое—сочувственное ему. Носителями первого течения являлись главным образом бухара и джатачество и второго —туземная администрация в лице волостных управителей. Однако, больших столкновений на этой почве за июль месяц не было, если не считать за это время крупного, происшествия—убийство Карамского таранчинского волостного управителя в Верненском уезде, но это убийство официальное донесение ставит не в связи с „мятежем“, а со старыми партийными счетами [2]).

Лепсинский уезд.

Первые открытые столкновения киргиз с русскими имели место в Лепсинском уезде, где начались они в конце июля месяца. Вспышки среди киргиз были результатом неожиданного для них проявления со стороны администрации „нервозности“, режимом призванных и усилением военными частями гарнизонов. Это обстоятельство поставило киргиз в необходимость чутко прислушиваться ко всем приготовлениям администрации уезда и до поры до времени перекочевывать в Китайские пределы.—Так, например, волости Бахтинского участка—Барлыкская и Эмельская и Лепсинского — Алакульская с Чербактинской постепенно стали откочевывать, одни в Китай, другие в неприступные ущелья Джунгарского Алатау и третьи в Прибалхашские пески. Администрация уезда увидела в этом „вредную деятельность агитаторов“ и стала принимать меры „к ослаблению этой злостной деятельности“.

Началось с вооружения русского крестьянского населения и с запрещения этому населению ковки киргизских лошадей и продажи киргизам железа. В Чулакском районе, для охраны населения, Бах-

тинским и Лепсинским гарнизонами был поставлен конный отряд в 50 человек, в с. Глинковском—25 человек, в селениях Обуховском и Н-Антониевском по 15 человек. Кроме того установлена была живая связь укрепления Бахтов с урочищем Чулак и с. Глинковским и г. Лепсинска с селениями Стефановским, Рыбачьим и Ивановским, а „за туземцами было установлено строгое наблюдение“ [3]).

Первое столкновение произошло близ озера Алакуля, когда алакульцы снялись с мест, чтобы откочевать в Китай. Со стороны уездной администрации действовал конный отряд под'есаула Угренинова, командированного „для содействия Бахтинскому участковому начальнику-титулярному советнику Акулову“.—В стычке, кроме убитых киргиз, было задержано 15 главарей, в том числе и более влиятельный из них Омар Меирманов, который, однако, ночью успел бежать в камыши. У алакульцев был отобран скот и имущество. Во время откочевки Барлыкской и Эмельской волостей, последние также потеряли значительное количество скота и имущества, отобранного нагнавшим их отрядом прапорщика Степанова [4]).

24-го июля киргизы аула № 7 Омара Меирманова, проходя через Тохтинский таможенный пост, захватили часть имущества у лесного об'езчика, но впоследствии это имущество было возвращено.

1-го августа киргизы этого же аула, проходя мимо селения Пограничного (на урочище Чулак), захватили часть крестьянского скота и имущества, но так-же вскоре возвратили его через крестьян соседнего села Привольного.

После этого на Чулак из Лепсинска командирован был отряд в 40 конных ополченцев под командой помощника Лепсинского уездного начальника штабс-ротмистра Маслова, который, распространив слухи, что откочевавшая Коктал-Хатынсуйская волость будет грабить русские селения Пограничной волости, стал возвращать ее обратно и путем жестоких расправ „водворил порядок“, а в волости оставил гарнизон в 20 солдат под начальством прапорщика Бакалова [5]).

По усмирении „мятежа“, киргизское население приуныло и до начала сентября ничем себя не проявляло. Однако, 9 сентября, Маканчи Садыровский управитель и писаря на с'езде в ауле № 10 держали себя настолько вызывающе, что разгневанная толпа едва не перебила их.

Такой же инциндент повторился и близ с. Романовского по донесению Мамбетптай-Выскачевского волостного управителя. В это же время распространились слухи, что селению Саратовскому, находящемуся в 30 верстах от с. Черкасского, угрожают киргизы, собравшиеся на с'езде в долине Маканчи и что среди черкасцев появилась паника.

10-го сентября штабс-ротмистр Маслов с конвоем из 35 казаков 6-й ополченской сотни Семиреченского войска, через поселок Карга-

линский, выехал к селению Саратовскому, в то же время на это селение продвигались 15 конных ополченцев от 2-й роты Копальской дружины через урочище Маканчи. Ополченцы шли на соединение с отрядом штабс-ротмистра Маслова [6]).

В верстах 8-ми перед с. Саратовским отряду Маслова дорога была преграждена повстанцами, растянувшимися нестройными рядами по фронту версты на две. Здесь произошла перестрелка, во время которой повстанцы понесли значительные потери и часть их отступила, увозя с собой убитых и раненых [7]).

О столкновении с повстанцами было сообщено в Лепсинск, откуда тотчас-же был выслан отряд под командой прапорщика Вязигина, состоявший из 50-ти казаков 6-й сотни и 25-ти конных ополченцев 2 й роты, выступившей прямой дорогой по направлению к с. Саратовскому для прикрытия ближайших селений Черкасского, Ново-Петропавловского и Ново-Антоновского и на выручку Маслова, в это же время дано было знать Копальскому начальнику гарнизона оказать помощь штабс-ротмистру Маслову со стороны Баскана.

Утром 11-го сентября прапорщик Вязигин прибыл в село Саратовское, где в это время уже пришел, соединившись с 10-ю конными ополченцами, высланными из села Ново-Антоновского, штабс-ротмистр Маслов.

Посланная из села Саратовского конная разведка установила, что киргизы 4-го аула Маканчи-Чиликтинской и Мамбетпай-Выскачевской волостей, во главе с муллой Мухамедием-Хажи, идут на помощь повстанцам Маканчи-Садыровской волости.

Около 3-х часов этого же дня повстанцы двинулись к селу Саратовскому. Высланный секрет под командой урядника Костина должен был отступить.—Повстанцы с криком „альдияр“ (бог помощь) и „аттан“ (боевой клич:—садись на лошадь) кинулись на селение, но встреченные возле оборонительного фасада села учащенными ружейными залпами, принуждены были отступить на небольшое расстояние, понеся значительные потери в людях [8]).

Однако, вскоре, собравшись с силами, стянулись и вне выстрелов окружили плотным кольцом правительственный отряд.

12-го сентября, получив известие, что на помощь из Баскана выступил отряд полковника Осипова, штабс ротмистр Маслов выслал резерв, под командой прапорщика Вязигина, который „лавой“ перешел в наступление. Казаки бросились в шашки, а ополченцы в штыки. Повстанцы не выдержали натиска и удара и стали отступать, неся большие потери. Часть их, свыше 200 человек, прижатая к болоту была изрублена и переколота. Остальные бежали на противоположный берег реки Лепсы, где потеряли значительную долю имущества—5000 баранов, рогатого скота, верблюдов и лошадей, захваченных отрядом. Кроме того, арестовано было 92 человека—„главарей мятежа“ [9]).

С этого времени восстание в Лепсинском уезде считалось окончательно ликвидированным.

Копальский уезд.

Настроение киргиз Копальского уезда наружно оставалось спокойным, хотя и имелись сведения о брожении и подготовлении к выступлению киргиз-казаков из рода Джалаир, но подготовление это было парализовано появлением отрядов штабс-ротмистра Маслова и полковника Осипова, а впоследствии 2-й сотни 9 полка, отправленной через Каракольскую волость и 240-й дружины ополченцев по Сергиопольско-Копальскому тракту [10]).

Верненский уезд.

Первым открытым выступлением в Верненском уезде было 3-е августа на урочище Ассы, расположенного в 65-70 верстах по вьючному пути через горы от села Михайловского в город Пржевальск.

Выступили призванные на тыловые работы киргизы Кызылбурговской волости. Ближайшим поводом к выступлению послужил приезд в волость администрации уезда, в лице помощника Верненского уездного начальника Хлыновского и почетных лиц Кызылбурговской волости, с целью выяснения подробностей призыва рабочих. При столкновении был убит один солдат конвоя и три других ранены.

Хлыновский, вместе с бывшими при этом в ауле чинами переписной партии Переселенческого Управления и с 9-ю солдатами, отступил на 25 верст по направлению к селу Михайловскому.

Один из посланных Хлыновским в город Верный джигит с просьбой о помощи, был в дороге убит, другой же благополучно добрался до Верного, после чего на Ассы срочно выслана была Зайсанская сотня Семиреченского казачьего войска под командой прапорщика Бойка и в ближайшие дни, как говорит официальное донесение, „Кызылбурговская волость была примерно и строго наказана“.

Вечером 6-го августа повстанцы появились в 75-ти верстах к западу от города Верного. Одна часть повстанцев из киргиз Кастекской и Батпаевской волостей—около почтовой станции Самсы, вступила в перестрелку с отрядом приехавшего в Батпаевскую волость Отарского участкового пристава Гилева для составления призывных списков.

Гилев со своим отрядом принужден был отступить в село Казанско-Богородское (оно же Узун-Агач).

7-го августа повстанцы захватили в свои руки весь почтовый тракт от села Узун-Агач до станции Курдай, перерезали телеграф, привели в негодность станцию Самсы и отделили рекогносцировку в сторону образованных к югу от тракта переселенческих селений:

Сергеевку, Вильямовку, Прудки, Бургунь, Пригородное и к скотопромышленным хуторам Дегерес и Болдажав, одновременно предложив разоружиться селениям Казанско-Богородскому, Татьяновке и Самсоновскому.

7-го же августа в селе Пригорном была организована защита прапорщиком Вяткиным. Здесь была оставлена команда Верненской дружины. На станции Отар 7-го и 8-го августа съехались до 40 человек проезжих и несколько прибывших с фронта в отпуск солдат. Защита станции была организована капитаном 22-го Туркестанского стрелкового полка Удинцевым. Вскоре прибыл из города Пишпека прапорщик Маленкевич с 25-ю солдатами и 10-го августа все проезжие, почта и имущество были отправлены к станции Таргап.[12]).

7-го августа, навстречу повстанцам были высланы из Верного океленные отряды пехоты и добровольцев, а 9-го августа, для подавления восстания, выступили два отряда:—один из роты пехоты и сотни казаков под начальством сотника Бакуревича и другой—в составе одной сотни под командой сотника Александрова. Направившись через село Сергеевку в Токмак, первый отряд нанес решительный удар повстанцам Кастекского района, второй отряд удар свой направил на кочевья Батпаевской волости. Насколько жестока была в этих районах расправа с повстанцами можно судить уже по тому, что даже официальное донесение отмечает, что сотня Александрова истребила почти поголовно три аула, а также арестовала заранее установленных главарей [13]).

Повстанцы таким образом принуждены были, бросая свой скот, юрты и имущество, частью отступить в Чуйскую долину, а частью к озеру Балхашу.

Произвол сотника Александрова продолжался до 18-го августа, когда он вслед за Бакуревичем, через Кастекский перевал, направился на усмирение киргиз, якобы окруживших станицу Самсоновскую.

По официальным подсчетам русское население понесло следующий материальный ущерб:—угнан скот, бывший на выпасе села Сергеевского, организовавшего против повстанцев самозащиту в 200 охотничьих ружей, здесь же потравлены и отчасти сожжены хлеба, разрушены хутора, мельницы и пасеки, несколько крестьян убито и захвачено в плен. В окрестностях селений Кастекского района и по почтовому тракту убито 16 человек: 3 топографа Переселенческого Управления, случайно проезжавший фокусник с сыном и возчиком, 6 крестьян, 2 солдата, шедшие в отпуск и 2 русских, оставшихся неизвестными. В плен уведено 3 крестьянина (среди них одна женщина), а из проезжих—областной архитектор Пугаченко, чиновник—контролер Киреев и почвовед Ефименко с женою. Пленные после побоев впоследствии были освобождены [14]).

С этого времени, т. е. с 18-го августа, Семиреченская администрация считала „киргизский мятеж в Верненском уезде подавленным“ [15]).

Пишпекский уезд.

Наиболее серьезное по своим размерам и последствиям и наиболее организованное восстание киргиз было на юге области, особенно среди кара-киргиз Сарабагишевской и Агекинской волостей, Токмакского участка, Пишпекского уезда.

Официальные донесения эти волости, образованные потомками известного в истории Средней Азии Манапа Джантая, считали „зачинщиками мятежа“.

Искусная агитация джантаевцев за освобождение кара-киргиз от русского владычества и за очищение от их засилия всей Чуйской долины, котловины озера Иссык-Куля и прилегающих гор, была настолько скрытна и хитроумна, „что ускользнула“,—как замечают официальные донесения „от внимания не только местного русского населения, но и самых опытных агентов сыска“ [16]).

Во всяком случае, джантаевцам удалось склонить на свою сторону родственные волости Токмакского участка—Абаильдинскую, Каракечинскую, Курманходжинскую, Кочкарскую, Джанышевскую, а также и сильный кара-киргизский род „богу“, кочевавший в горах Иссык-Кульской котловины Пржевальского уезда и в южной части Джаркентского. Не поддавались агитации лишь дунганская—Николаевская волость и киргизская-Карабулакская [17]).

Свое наступление сарибагиши открыли 8-го августа внезапной атакой переселенческого селения Ново-Российского, приютившегося в ложбине глубокого ущелья реки Большого Кобеня. К вечеру часть селения была сожжена, а в оставшихся 4-х домах жители этого селения оказали упорное сопротивление. Скот повстанцами был уведен [18]).

9-го августа восстанием охвачена была вся территория, занятая кочевьями кара-киргиз бассейна реки Чу и озера Иссык-Куля. Восставшие завладели почтовым трактом, идущим из Пишпека в Пржевальск и из села Рыбачьего в укрепление Нарынское, при чем по линиям этих трактов, повстанцы, желая отрезать дорогу правительственных отрядов с городом Верным, сожгли мосты, почтовые станции, разрушили телеграф и по всем дорогам выставили свои наблюдательные посты.

В это время из Верного в Пржевальск проходил по Чуйскому тракту транспорт оружия боевых припасов, сопровождаемый конвоем всего лишь из 5-ти солдат. Сарибагиши выследили транспорт и, когда последний выходил из Боамского ущелья к озеру Иссык-Кулю, напали на него и предложили конвою сдаться. Несколько солдат, отказавшиеся выполнить предложение, были тут же убиты, часть

успела бежать в город Верный. Захваченное оружие было роздано в загорные волости и в волости богинцев.

Овладение оружием увеличило надежды и уверенность повстанцев в свои силы, вследствии чего кара-киргизы отдельными отрядами повели наступление на русские селения, расположенные к востоку и юго-востоку от Токмака. Из города Пишпека для организации самообороны от наступавших сарабагишей выехал в Токмак Пишпекский уездный начальник подполковник Рымшевич [19]).

В Токмаке—многолюдном торговом пункте—была наскоро сформирована дружина из чинов конского запаса, которая, под руководством участкового пристава, отправилась на помощь станице Самсоновской, сам же Рымшевич с 25-ю конными солдатами выехал на помощь переселенческим селениям Белопикетскому и Быстрорецкому.

У отрогов Малого Кебеня, Рымшевич был встречен отрядом повстанцев в 300 конных всадников. Путем обмана, правительственный отряд заставил повстанцев отступить в горы, а Рымшевич, воспользовавшись случаем, успел жителей названных селений вывести в Токмак [20]).

Та же неудача постигла повстанцев при нападении на станицу Самсоновскую, так как к подходившему отряду (конного запаса) участкового пристава, присоединился посланный из Верного, через Кастекский перевал, отряд из полусотни казаков под командой сотника Величкина. Соединившись вместе, эти два отряда оттеснили от станицы Самсоновской и селения Михайловского повстанцев в горы, освободили село Ново-Российское и временно очистили долину реки Чу к востоку от Токмака [21]).

Но 12-го августа в новой стычке с повстанцами сотник Величкин и командовавший чинами конного запаса прапорщик Киселев были убиты и отряд, оставшийся под командой вахмистра, до прихода 19-го августа сотни Александрова, едва сдерживал натиск „мятежников“ на станицу [22]).

13-го августа кара-киргизы в количестве до 5000 человек начали группироваться возле Токмака и села Покровки, а к вечеру этого-же дня в Токмак вступил с своим отрядом есаул Бакуревич, имея сотню казаков и роту дружины с пулеметом. Этот отряд был усилен подошедшим из села Быстрорецкого полковником Рымшевичем и приставом Байгуловым [23]) с тремя дружинами добровольцев, из которых две были пешие по 100 человек каждая и третья – конная в 150 человек. Несмотря не значительный, скопившийся в Токмаке гарнизон, осажденные боялись пойти в наступление, повстанцы же ежедневно в течении 9 дней, с 14-го по 22-е августа, с 9 часов утра и до 7 часов вечера вели довольно сильные аттаки на город, но они в большинстве были безуспешны, так как ружейный и пулеметный огонь засевших в городе косил сотнями повстанцев.

Дни 20 и 22 августа были днями наиболее яростных аттак, так как повстанцы получили сведения, что в 9 часов утра 22-го августа в город вошел, высланный из Ташкента, отряд подполковника Гейцига, имевший в своих рядах три рода оружия. Повстанцы бросили на приступ последние силы, но отчаянный встречный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь, заставил их поспешно отступить по направлению высоких сыртов в горах южного берега озера Иссык-Куля [24]).

Отобранные в Багамском ущельи сарибагишами, винтовки военного транспорта дали возможность сорганизоваться загорным волостям к югу от Токмака и богинцам, кочевавшим в Пржевальском уезде, вследствии чего уже 9-го августа отряд в 1500 человек кара-киргиз Каракачинской волости (загорной) напал на образованное в Джумгальской долине переселенческое селение Белоцарское. Селение это было сожжено, а жители уведены в плен, бежавший же заведующий загорной полицейской частью, Меньшиков был убит на следующий день, а его конвой сдался и был пленен. Между прочим, разгромлена и сожжена была гидрометрическая станция, техники, работавшие на ней убиты, а семьи их уведены в плен [25]).

В западной части Пишпекского уезда в участке Беловодском, повстанцы из киргизов Тлеубердинской волости (селениях Токтинское, Косгильдинское, Чечинское и Тюбекское), Джаман-Сартовской (селениях: Муракинское, Кеменсуйское, Бошкаевское, Мамырбаевское, и Аатабековское), Бакинской (селение: Утеганское) и Кара-Баптинской (селения: Талдыбулаевское и Байкачевское), 10-го августа появились в окрестностях русских сел: Беловодского, Петровского, Петропавловского и других, примыкающих к ним.

Один из мелких отрядов имел столкновение с беловодчанами, во время которого некоторые крестьяне, захваченные на полевых работах, были уведены в плен, а один крестьянин с сыном были убиты.

Другой повстанческий отряд стал угонять скот и разрушать отдельно стоявшие строения. Появление этих отрядов, однако, кончилось жестоким, со стороны беловодчан, самосудом, конечно, не без влияния на него провокационной роли со стороны администрации уезда. По крайней мере мы имеем два официальных сообщения, противоречивых одно другому в изложении фактической стороны, но однородных по существу [26]).

В первом сообщении говорится, что 12-го августа, образованная из крестьян, дружина добровольцев захватила в горах, к югу от селения Беловодского, несколько сот киргиз, которых доставила в Беловодское Волостное Управление, во дворе которого они были задержаны впредь до распоряжения участкового пристава Грибановского. Утром 13-го августа к приставу явился Джаман-Сартовский волостной старшина с почетными лицами своей волости заявить о покор-

ности и ходатайствовать об освобождении задержанных накануне киргиз. Пристав, собравшийся в это время с дружиной добровольцев на рекогносцировку в горы, послал явившихся с повинной к волостному старшине для переписи, как их, так и арестованных накануне, но не успел старшина приступить к исполнению данного ему поручения, как к Волостному Правлению собралась большая толпа крестьян и крестьянок, вооруженных вилами, топорами, косами, а то просто кольями, и не взирая на увещевания старшины, бросилась на задержанных киргиз и начала их избивать. Когда ярость толпы улеглась и ее удалось успокоить, во дворе волостного правления насчитано было 517 киргизских трупов [27]).

Другой вариант этой расправы передается в таком освещении: „...когда старшина вышел на улицу, чтобы разогнать эту толпу, он услышал шум и, прибежав обратно во двор, где находились арестованные, услышал крик, что бегут киргизы, которые были накануне задержаны, тут-же увидел приблизительно 15—20 человек киргиз, совершивших побег через забор и услышал стрельбу из ружей. Толпа народа с улиц бросилась задерживать киргиз. Послышался стук и лом решеток из казармы, где находилась под замком партия киргиз в 100 человек, толпа еще более рассвирепела и бросилась на киргиз с кольями, вилами, топорами и прочим оружием, что было в руках. Получилась общая свалка и 517 киргиз оказались убитыми [28]).

Интересно то обстоятельство, что разноречивость мотивов самосуда в Беловодском участке, обнаруживает признак того, что уездная власть на некоторое время была обескуражена этим событием, которое могло в корне изменить благожелательное к себе отношение либеральствующих кругов русского общества, поэтому в качестве оправдывающих действия власти обстоятельств, администрация принуждена была прибегнуть к трафаретной казенной обосновке самосуда и выдумать, что „самосуд был следствием попытки задержанных к побегу.“—В результате 517 киргиз стали несчастной жертвой своей безграничной, наивной доверчивости...

11-го августа, по донесению Юрьевского сельского старосты, киргизы Булекпаевской волости сделали нападение на самовольно образованный в 1909 году поселок Юрьевский (Сан-Таш). Селение сожгли, скот угнали и убили 7 крестьян. Остальное население поселка убежало в село Ивановское [29])

8-го сентября, по донесению Ивановского старшины, повстанцы, при встрече на пашне крестьян, убили 13 человек и угнали лошадей [30]).

Из киргиз волостей пригороднего участка присоединились к „мятежникам“ 800 кибиток Иссыгатинской волости и 444 кибитки Чумичевской, но эти волости, как сообщает и само официальное донесение, —„нападений на пригороднее селение не делали, лишь бежали из пределов своих волостей“ [31]).

Вообще говоря, в Такмакском районе повстанцы держались с августа месяца до конца сентября и лишь с наступлением холодов и подавлением восстания в других районах, они с семьями, имуществом и скотом, под охраной своих дружин, удалились в долину Кочкор, Джумгал и на сырты.

В восстании Пишпекского уезда принимали участие волости:— Атекинская, Сарыбагишевская, Джанышевская, Тынаевская, Шамсинская, Буранинская, Нурмамбетовская, Байсентовская, Иссыгатбинская, Темирбулатовская, Кара-Кечинская, Шамуразинская, Абаилдинская, Курманходжинская, Джумгальская, Кочкарская.

Пржевальский уезд.

Наиболее организованными оказались киргизы Иссыкульской котловины, открытое восстание которых, начавшись 9—10 августа, вскоре же бурной волной прокатилось с запада на восток, а 12-го августа повстаническое движение докатилось и до южной части Джаркентского уезда, вызвав среди русского населения панику. Это паническое настроение могло обеспечить успех киргизского движения, особенно в связи с изолированностью уезда и расположения его на рубеже с Китаем. Кроме того для отступления еще не было достаточных оснований, а пример с Беловодской провокацией показал, что сложить оружие и отдаться на милость противника, значило бы на веки распроститься с мечтаниями о свободе, поэтому борьба кара-киргиз в Пржевальском уезде приобретает характер особой остроты и напряженности, хотя первая повстаническая волна шла из Пишпекского уезда и первые нападения имели место 9 августа по линии северного берега озера Иссык-Куля, именно на селения Григорьевку и Рыбачье и по долине Кочкара и Джумгала на селения Столыпино и Белоцарское, к которым непосредственно примыкают загорные волости Пишпекского уезда и Сарыбагишевская.

Однако, началом общего восстания кара-киргиз Пржевальского уезда Семиреченские власти считают 10 августа, когда нападению со стороны повстанцев подверглись сразу все русские поселки, расположенные в котловине озера Иссык-Куля по северному и южному его берегу [32]).

По донесениям уездного начальника и начальников военных отрядов, до 9 августа все было спокойно, население было занято спешными работами по уборке урожая, так же обычным порядком шли работы на обширных опийных плантациях, где работало много пришлых из Китая рабочих кашкарлыков. Волости кочевые, несмотря на появившиеся в это время слухи о подготовке кара-киргиз к восстанию составляли списки, благоприятные для власти приговора и через официальных представителей заверяли о своей полной готовности выполнить высочайшую волю по набору рабочих [33]).

Вечером 9 августа в Пржевальске была получена телеграмма с извещением о нападении киргиз на село Григорьевку и ограблении жителей, которые бежали в село Сазановку. В ту-же ночь из Пржевальска в Сазановку был послан отряд из 20 солдат, под командой корнета Покровского, который, прибыв в селение, организовал там защиту. Одновременно из Нарына, по телеграфному же уведомлению, был послан прапорщик Букин с 20-ю казаками для защиты села Столыпино, куда также выехали участковый начальник Хахалев с товарищем прокурора. До приезда отрядов в селе Столыпино находилась команда солдат и казаков в числе 18 человек. Станции Сарыбулак, Кумбель-Ата уже были разрушены, часть жителей перебита, часть уведена в плен [34]).

10 августа гарнизон должен был весь этот день отбивать яростные аттаки кара-киргиз, которые в числе до 5.000 человек состояли из соседних волостей Кочкарской, Неязбековской, Джуван-Арыкской и Семизбельской и руководимы были Дауткулом Ногаевым. На письменное требование Хахалева выдать зачинщиков и разойтись по аулам, повстанцы, как свидетельствует сам Хахалев, ответили, что „бунтуют не они одни, а весь мусульманский мир, что у них есть оружие, патроны и руководители“ [35]).

С полдня аттаки были особенно сильны, повстанцы открыли ружейный огонь с трех сторон селения, в результате со стороны осажденных был убит один казак и четыре ранено, а к вечеру селение было подожжено и вступившие в него повстанцы разгромили базар.

Гарнизон сделал последнюю „вылазку“ и выбил кара-киргиз из селения версты на две от села. В этом бою повстанцы потеряли убитыми свыше 100 человек. Однако сдерживать натиск кара-киргиз было невозможно „за недостатком патронов“, поэтому Хахалев с отрядом, забрав все население поселка, выступил ночью по дороге на Токмак через село Рыбачье и Боамское ущелье, а к утру, 11 августа, с обозами и крестьянами прибыл к Рыбачьему, которое „к этому времени было уже сожжено мятежниками и на озере плавал баркас с 170 жителями сожженого поселка, отправившимися в город Пржевальск“ [36]).

Станции по пути следования обоза были сожжены, а когда обоз проходил около старой станции Кутемалды, по дороге на Кок-Майнек, кара-киргизы аттаковали его и открыли огонь „с окопов и гор“.

Здесь был убит „ружейными пулями“ один ратник и трое крестьян. В течении следования по Боамскому ущелью обоз все время находился под огнем. Мост через реку Чу оказался сожженным, поэтому, переправляясь через реку в брод, отряд потерял несколько человек потонувшими.

Около Джуван-арыка была последняя схватка с повстанцами, во время которой отряд отступавших успел прорваться в Чуйскую

долину к Белому Пикету и селению Быстрорецкому, откуда 7 человек раненых, участковый начальник Хахалев, товарищ прокурора и судьи, под охраной казаков, направились в Токмак, а остальная часть отряда, обоз и крестьяне села Столыпино были направлены в селение Карабулак (Михайловское), расположенное на реке Кастек Токмакского участка.

По донесениям Хахалева отряд в дороге от селения Столыпино потерял: убитыми 2 ратника, 1 казака и 24 лошади; ранен 1 ратник и 6 казаков. Среди крестьян убитых, раненых и пропавших без вести 42 человека [37]).

Насколько для местной власти восстание кара-киргиз было неожиданным, свидетельствует донесение начальника Пржевальского уезда, хотя несомненно преувеличенное и для большего впечатления, раскрашенное слишком густыми тонами.—„За это время, 10—13 августа,—сообщает испуганный уездный начальник,—по берегу озера Иссык-Куля происходили самые тяжелые картины разбойного нападения кара-киргизских банд, вооруженных пиками, палками, топорами и отчасти ружьями на мирные русские поселки, хутора, станции, пасеки и прочее. Для русского населения и администрации мятеж кара-киргиз Пржевальского уезда был неожиданным и коварно подготовлялся влиятельными разговорами; все волости накануне самого мятежа высказывали заверения в полной преданности Правительству, поэтому им удалось причинить весьма значительные бедствия и иметь временный успех. Набеги повсюду сопровождались грабежами, пожарами, зверскими убийствами, женщин насиловали, а затем убивали, или уводили в плен вместе с детьми. Нападение было произведено 10—13 августа на все беззащитные поселки расположенные в долине около озера Иссык Куль. Население, не вооруженное и не подготовленное, бросало дома, имущество и в паническом страхе бежало; на дороге киргизы многих ловили, грабили и избивали, а поселки поджигали“ [38]).

Такое поведение повстанцев, по словам того же Хахалева, заставило крестьян сконцентрироваться в более значительных селах, почему беженцы центром своего сосредоточия избрали город Пржевальск, село Геннокленовское, расположенное в 9 верстах от города, по тракту из Пржевальска в Джаркент (на реке Ак-Су, приток реки Джаргалана) и село Преображенское (Тюп), находящееся в 31 версте от города, по почтовому тракту из Пишпека в Пржевальск на реке Тюп—притоке озера Иссык-Куля.

11-го августа, в то время, когда крестьяне селений (Иваницкого, Тарахана и других) южного берега озера бежали к Пржевальску, к повстанцам присоединились дунгане Мариинской волости, селение которых Ирдык расположено в 8 верстах к югу от города. Дунгане перехватили беженцев на пути к городу, избили их, тут-же был убит доктор Левин, а затем, совместно с киргизами, напали на рас-

положенную в 15 верстах от Пржевальска сельско-хозяйственную ферму, где кроме местных жителей, собрались и жители окрестных сел и часть их так-же перебили, а „немногих молодых женщин и девушек увели в плен“.—Прибывший на помощь отряд добровольцев, повстанцев здесь уже не обнаружил, а нашел только „убитых и раненых, которые были перевезены в лазарет“ [39]).

Выехав на следствие в село Кольцовку (на урочище Туратам) помощник уездного начальника Каичев одновременно стал организовывать в этом селе охрану, но видя невозможность сопротивления повстанцам, вступил с последними в переговоры и те дали свободный пропуск конвою (10 солдатам) и жителям в город Пржевальск.

Но когда, пройдя 20 верст, беженцы стали в крайне враждебное отношение к встречным киргизам, Каичев был убит с 5-ю солдатами и несколькими крестьянами, а освобожденная и получившая беспрепятственный пропуск часть его отряда с испугу попряталась в зарослях „джангарака“ (облепихи). [40]).

Жители остальных селений южного берега озера собрались в селе Покровском и здесь, выдержав двухдневную осаду, благополучно, под охраной прибывшего из Пржевальска добровольческого отряда добрались до Пржевальска, имея лишь незначительный урон в людях [41]).

9 августа беженцы переселенческих селений северного берега озера сконцентрировались в старожильческих селениях Сазановке и Преображенском.

В первом из них беженцы продержались семь дней, в течении которых кара-киргизы предпринимали несколько аттак.

16-го августа подошедшим из Пржевальска отрядом в 20 солдат, под командой корнета Покровского и урядника Овчинникова, сазановцы были освобождены [42-а], и вместе с крестьянами селений Семеновского, Каменки и Григорьевского отправлены в Пржевальск, а оставленное селение значительно пострадало от пожара.

Преображенская же казачья станица, имея кроме своего населения до 5000 беженцев из селений северного берега озера: Семеновского, Григорьевки и других, выдержала аттаки повстанцев и осталась цела. Пострадали лишь заимки, хутора и пасеки. Часть скота уведена была в горы, несколько человек были убиты. Комендантом станции был хорунжий Пермитин [42]).

В селении Озерно-Фольбаумском, расположенном на северном берегу озера Иссык-Куля к западу от Троицкого монастыря, повстанцы прибегли даже к хитростям, вдруг выкинув белый флаг и пожелав войти в переговоры с противником. Повстанцы заявили жителям этого селения, что в руках киргиз находятся города Верный, Пишпек, Пржевальск и все селения Пржевальского уезда. Сопротивление будет бесцельно, сдавшиеся-же получат свободу. Жители по совету солдата Власенки, сдались, однако, кара-киргизы не сдер-

жали своего слова, и „мужчины были перебиты, а женщины, девушки и дети уведены в плен“ [43]).

При приближении повстанцев к Троицкому Иссык-Кульскому монастырю, жители его ушли в село Преображенское, монахи же, во главе с настоятелем его архимандритом Иринарием, поспешно переплыли на лодках на расположенный против монастыря остров. Монастырь остался цел, погорела лишь небольшая постройка на заднем монастырском дворе. Часть монастырского имущества повстанцами была захвачена, а некоторые из оставшихся в монастыре монахи, оказавшие сопротивление, были убиты, несопротивлявшихся повстанцы не тронули [44]).

Жители вновь образованных переселенческих селений в долине реки Джаргелана, при известиях о киргизском восстании, бежали в село Тепломоченское, комендантом которого был назначен прапорщик Туркин. Из всех селений долины Джаргелана (Лизогубовского, Соколовки, Раздольного, Валериановского, Графо-Паленского, Бобриково и Отрадного) наиболее пострадало село Графо-Паленское и менее Отрадное, успевшее своевременно организовать самозащиту. Селение Михайловское (Сухомлиновское) и казачья станица Николаевская (бывший выселок Волковский), пострадали лишь тем, что у жителей этих селений повстанцами был угнан скот [45]).

10-го августа повстанцы большими отрядами появились возле Пржевальска. Отряды эти шли со стороны Каракальского ущелья и станицы Преображенской. Образованный в это время в городе военный Совет занялся организацией самообороны. Жителям было приказано собираться в районе казарм, которые были окружены проволочными заграждениями и баррикадами из телег. Забаррикадированы были также выходы из города, охраняемые раз'ездами из солдат конского запаса и добровольческих дружин. Почтовое и телеграфное сообщение с другими уездами было прервано. Конный отряд, сформированный из солдат комиссии генерала Сусанина, а также охотников, под командой урядника Овчинникова, нес городскую охрану, выезжая время от времени за черту города и в соседние селения разгонять киргиз и мариинских дунган [46]).

В это время жители селений, расположенных в районе рек Джеты-Огуз и Кызыл-Су (селения Покровское, Светлая Поляна, Иваницкое, Борскаун, Кольцовка, Гоголевка и хутора) собрались в городе Пржевальске, а 15 августа прибыл в Пржевальск отряд Нарыкол Чарынского участкового начальника ротмистра Кравченко из Каркаринской Джарткентского уезда ярмарки, с Каркаринскими торговцами и жителями селений Таврического (Сарджас), Новаковки и Охотничьего (Нарынкол).

16-го августа прибыла еще сотня казаков хорунжего Угренинова.

Прапорщик Рыскин и техник Головин, за время с 14 до 19 августа, привели в город Пржевальск почти всех жителей селений Нарынкольско-Чарынского участка Джаркентского уезда: Мещанского (Орто-Кайнак), Красноярского (Текео), Новокиевского и Владиславского, так что в городе скопилось свыше 12.000 беженцев, из части которых были сформированы дружины, а город разделен был на 4 участка и организован был продовольственный комитет, изыскивавший средства для пропитания всей этой массы [48]).

Все ожидания Военного Совета, однако, были напрасны, так как повстанцы стали постепенно откочевывать на сырты, и тем самым дали возможность опомниться Военному Совету, спрятавшемуся за баррикады.

Что касается Атбашинского участка, занимающего юго-западную часть Пржевальского уезда, „то здесь бунтовали“ кара-киргизы, главным образом из волостей, расположенных возле укрепления Нарына, но волнения эти не носили характера такой остроты, как это было в других участках, вследствии прихода войсковых частей.

Пострадали лишь жители селений Титовки и Тогуз-Тарау, у которых повстанцами уведен был скот и сожжены несколько домов. Из волостей. Атбашинского участка непосредственное участие в восстании принимали: Джуван-Арыкская, Ниазбековская, Бурукчинская, Онарчинская, Аджинская, Нарынская, Шаркратминская, волости-же Чериковская, Шатеновская и Монокельдинская откочевали в Китай [49]).

По донесению войскового старшины Бычкова, в половине сентября восстание кара-киргиз Пржевальского уезда считалось ликвидированным, а „мятежники примерно наказанными“[50]).

Джаркентский уезд.

Восстание киргиз в Джаркентский уезд перебросилось из Верненского и Пржевальского уездов и началось с 12 августа около станицы Джаланашской, селений Ново-Афонского, Спицевского и на Каркаринской ярмарке, откуда перекинулось и на весь Нарынкольско Чарынский участок и в частности на расположенные по тракту селения:—Таврическое, Владиславское, Красноярское, Ново-Киевское и пограничный с Китайской Республикой выселок Охотничий, а также находящиеся в стороне от тракта: на север-хутор Медет и на юг—селения Мещанское и Чулак.

Чтобы обеспечить на всякий случай переход через границу, было сделано нападение на пограничные посты № 4 Ортонсайский, № 5 Сюмбинский и на ветеринарный пост. Восстанию предшествовало мирное откочевание киргиз Нарынкольского участка (Суаны) в китайские пределы: откочевало 2180 кибиток [51]).

По вышеуказанному маршруту шли восставшие в Кызылбурговской волости Верненского уезда киргизы, к которым присоединились

киргизы Джаркентского уезда из рода атбан, вышедшие из Чиликской, Меркинской и других волостей [52]).

12-го августа они сделали нападение на мельницу крестьянина Нечевкина в ущельи Чет-Мерка, затем, разделившись на два отряда, повели наступление на казачью станицу Джаланаш и расположенное в верстах 12 к востоку от нее переселенческое селение Ново-Афонское. Джаланашцы дали знать об этом находившемуся в верховьях реки Челика отряду прапорщика Бейка.

Оставив Джаланаш, повстанцы сожгли село Ново-Афонское, жители которого поздно вечером, под прикрытием отряда джаланашских казаков, бежали в станицу. Киргизы же, разорив по дороге хутора, заимки, пасеки и небольшое в Кегенской долине селение Спицевское, соединились с кара-киргизскими отрядами, оперировавшими в районе Каркаринской ярмарки и в селениях Нарынкольско-Чарынского участка, часть жителей которых бежала в станицу (выселок) Подгорненскую, расположенную у северных склонов Кетменских гор на реке Кыргыз-Сай.

Селения до прихода воинских отрядов отбивались в течении 2-х суток, а подошедшим отрядом жители селений были выведены в город Пржевальск, за исключением селения Челокая, оставшегося в полном распоряжении повстанцев.

До этого жители Челокая отбивались в течении 6 суток.

12-го августа Каркаринская ярмарка была осаждена повстанцами. В это время в ней находился отряд, состоящий из роты пехоты и взвода казаков под командой ротмистра Кравченко. Выбитый оттуда повстанцами отряд Кравченко 14-го августа отступил в город Пржевальск, захватив по дороге население поселков Нарынкольского участка [53]).

Каркаринская ярмарка подверглась, со стороны повстанцев разгрому и была сожжена, разгрому же подверглись и селения, а затем атбаны и кара-киргизы 8 волостей Пржевальского уезда и 2 волостей Верненского прошли в Китайские пределы на реку Сюмбу и реку Текес, а в конце сентября атбаны, через консула „изъявили покорность", но с приходом отряда из Пржевальска и открытием действий против кара-киргиз, они вынуждены были бежать в Китай, где оставались до последнего времени [54]).

Кары и месть.

Вслед за подавлением восстания наступили, по заранее составленному плану, жестокие кары.

25-го августа сотником Угрениновым в Пржевальских горах было уничтожено несколько сот кара киргиз [55]).

27-го августа хорунжий Берг, вылавливая повстанцев в районе между Пржевальском и Кенсуйским ущельем, уничтожил свыше 800 человек „отчаянных борцов" [56]).

Чиликтичская, Меркинская и другие волости Джаркентского уезда совершенно разгромлены были отрядом прапорщика Бейка, свружившего бежавшее киргизское население в верховьях Консу-Мерке. Здесь убито было свыше 1006 человек [57]).

29-го августа карательную экспедицию предприняли подполковник Гейциг, полковник Слиньке, войсковой старшина Бычков и сотня капитана Бурзи. Капитан Бурзи еще 23-го августа выступил со стороны Ферганы по линии Когарт-Нарын-Столыпина, к нему на соединение шли отряды подполковника Гейцига и полковника Сливько. Эти отряды с артиллерией предали полному разгрому кара-киргизское население около Токмака, долины Кебеня и Боамского ущелья. Отряд Быкова, при пулемете и в составе сотни казаков, роты солдат и 50 добровольцев, пройдя из Верного по перевалам из Большой Кебени, спустился к озеру Иссык Куль около станции Чолтал, предавая на своем пути все огню и мечу. „Очистив" от кара-киргизского населения весь северный берег озера, „боевой" старшина, 2-го сентября вошел „победителем" в Пржевальск [58]).

Теснимое с трех сторон кара-киргизское население в панике бросилось по высоким сыртам южного берега озера в Кашгарскую провинцию Западного Китая, по северному берегу через Кенсуйский и Сан-Ташский перевалы на Каркару и Текес и далее в Кульджинский край. Первые успели отойти почти беспрепятственно, ввиду высоких горных перевалов, вторые потеряли убитыми и зверски замученными свыше 2000 человек своего состава. Бежавшие несколько раз были так же настигаемы карательными отрядами в районе Кочкарской долины озера Сон-Куля, Джумгалы и Улаколе, где подвергались беспощадной расправе [59]).

Жажда кровавой мести и карательное настроение русской власти этими мерами не ограничились. Казаки и русское крестьянство были натравляемы властью и ее агентами на киргиз, чтобы вызвать поголовные, уже ничем не сдерживаемые, самосуды. В результате жестокому самосуду подверглись даже те мирные жители, которые стояли в стороне от восстания или состояли в рядах правительственных отрядов.

Кроме мести беловодчан, варварски убивших 517 киргиз, жестокими мстителями оказались пржевальцы, теплоключенцы и преображенцы. В Пржевальске было убито и замучено свыше 500 дунган, а имущество их разграблено. Эти дунгане во время восстания несли наравне с русским населением внутреннюю охрану города. Дунганское же селение Мариньское было совершенно разгромлено, а население с количеством до 2500 человек перебито [60]).

В селениях Теплоключенском и Преображенском были перебиты и изуродованы совершенно не причастные к выступлению мусульмане, в первом—торговцы с Каркаринской ярмарки, принимавшие участие в отряде Кравченко против повстанцев; во втором—торговцы раз-

ночинцы из селения Сазановки, которые вместе с русскими казаками выдержали осадку повстанцев и освобождены были огней Угренинова. Точное число погибших в этих селениях не установлено, по приблизительным же официальным подсчетам в селении Теплоключенском убито было, путем самосуда, 180 душ обоего пола, а в Преображенском—84, в действительности-же цифры эти следует по меньшей мере удвоить [61]).

„Охота на туземцев" по всей Иссык-Кульской долине и в других районах восстания продолжалась всю зиму, как со стороны отдельных лиц, так и правительственных отрядов, чего не отрицают и официальные донесения уездных начальников [62]).

Убытки.

Учрежденный Областной администрацией в городе Верном „Областной Комитет по выяснению и ликвидации убытков, причиненных мятежем 1916 года", затем в Пишпекском, Пржевальском и Джаркентском уездах, особые „Уездные Комитеты по выяснению и возмещению убытков, причиненных мирному населению мятежем 1916 года" [63]), и несколько ранее „Участковые Комиссии"[64]) в самых районах бывшего „мятежа" для непосредственной проверки убытков и оказания немедленной помощи пострадавшему населению, почему-то считали, что пострадало население лишь русское, а населению киргизскому предоставлено было право вариться в собственном соку и не иметь возможности получить эту помощь.

Мало того, эти Комитеты: Областной, Уездные и Участковые должны были изыскивать средства за счет „конфискованного у мятежников имущества", понимая под словом „мятежники" вообще туземное население.

В состав этих Комитетов вошли, как и следовало ожидать, лишь „представители всех ведомств и выборные от пострадавшего населения"[65]). Представители же киргизского населения в Комитеты допущены не были и лишь в 1917 году, во время революции, был образован „Областной киргизский Комитет", занявшийся делом помощи пострадавшему от восстания как русскому, так и киргизскому населению. Работа Областного русского К-та выяснила лишь убытки, причиненные русскому населению. Эти убытки выражаются следующими цифрами [66]):

(Смотри таблицу на 25 стр.).

УЕЗДЫ:	ПОСТРАДАЛО		РАЗГРОМЛЕНО		Погибло хлеба в десятинах	Всего на общую сумму (в рублях)
	Поселков	Хозяйств	Домов	Лавок		
Джаркентский	17	500	400	504	3000	4440007
Кокальский	6	точ	ного по	дсчета	не бы	ло
Лепсинский						
Верненский	6	точн	ого под	счета	не было	205263
Пишпекский.	12	500	600	—	12000	1000000
Пржевальский	26	4345	1748	не под	счит.	15078817
ВСЕГО . .	67	5345	2748	504	15000	20724087

Убито всего русских: казаков, мещан и крестьян 2094, ранено 41, пропало без вести 1163, в том числе убито 3 офицера, 53 солдата; ранено:—41 солдат и потерялось без вести 74 солдата.

Насколько эти цифры правильны и точны трудно сказать, но судя по об'ему восстания, описанного на основании официального материала, эти цифры мы должны рассматривать, как приблизительно соответствующие действительности.

О материальных-же уоытках, понесенных киргизским населением, мы будем говорить во второй части статьи.

II.

По поводу восстания.

Г. И. Бройдо в предисловии и заключении к своему показанию [67]), данному 3-го сентября 1916 года Прокурору Ташкентской Судебной Палаты по делу о киргизском восстании 1916 года, устанавливает один основной момент, вызвавший восстание киргиз в Семиречьи.

Восстание было результатом „провокационной работы всей администрации, не исключая высшей (Ташкент, Семиречье), направленной к тому, чтобы вырезать киргизское население и очистить землю для дальнейшей колонизационной деятельности правительства. Нелепые и провокационные приказы, ложные раз'яснения администрации, натравливание русских переселенцев, организация из них отрядов, безнаказанность массовых убийств и бесчинств,—все это было направлено на провокацию, якобы восстания, которое давало бы основание к массовому уничтожению киргиз. Действиями воинских отрядов и крестьянских дружин, вооруженных и организованных полицией, администрация края искусно расширила и остроту волнений, все более превращая киргизское население в неприятеля в глазах приходящих войск "[68]).

Это лейт-мотив, вызвавший киргизские массы на восстание. Остальным моментам автор показания совершенно не придает значения, оставляя их в стороне и касаясь лишь мимоходом, тогда как, по нашему мнению, эти моменты тесно и непрерывно связаны были с колонизационной политикой Переселенческого Управления, национальной враждой, панисламистским религиозным движением и вопросом самого восстания, или, на официальном языке того времени, „волнениями", „беспорядком", „мятежом" и „бунтом", значение которых в кровавых событиях 1916 года никак нельзя умалять. Основываясь лишь на „проводимой органами правительства дезорганизации общественности среди киргиз", „на слабо выраженном у них национальном и религиозном движении" и, наконец, на „слишком низком уровне их политического развития".

Наоборот, эти мотивы, за исключением последнего, являются довольно типичными и резко выраженными, чтобы считать их наиболее основательными и превалирующими в этих событиях.

Резко оттенявшаяся провокационная роль правительства имела свое место до 1914 года, когда на протяжении многих лет, стремясь к экономическому завладению страной, завоеванию степного рынка

и, желая распространить свое влияние на всю Среднюю Азию и сохранить давлеющее значение на Западно-Китайской границе и, в тоже время, опасаясь сплоченности степняков и их способностей противопоставить неожиданные массовые набеги, царское правительство, пользуясь темнотой киргизского населения, стремилось прибегать с одной стороны, к сеянию вражды между отдельными киргизскими родами и партиями, чтобы тем самым ослабить сопротивляемость киргиз, и с другой стороны, вызвать с жестокостью подавляемые „мятежи“ и этим доказать массам, что всякое сопротивление „русскому оружию“ есть лишь выражение—„ничтожество перед силами великой России и могуществом белого царя “[69]).

Наряду с этим правительство постепенно проводило колонизационную политику, имея целью создать в Средней Азии, в частности в Семиречьи, прочную военную базу, и таким образом, на плечах „туземцев“ продвинуть к границам „арчак казачьего седла“.

Но насколько до 1914 года была велика воинственность „Ак-Падишаха“, настолько во время Германской войны и, именно до 1916 года,—эта воинственность сменилась стремлением к сравнительно миролюбивой политике, проявлявшейся у русских властей в заискивающем тоне к байству, манапам и отдельным родовым группам, которые, боясь военной мощи России, выражали от лица народа своего „признательность“ последней тем, что даже добровольно соглашались на поднесение щедрых „подарков“ армии, на поставку безвозмездно для нужд ее скота, войлочных юрт, фуража, и на организацию из киргиз казачьего полка (Копальский, Пржевальский, Пишпекский и Верненский уезды)[70]). Нет сомнения, что при этом гущи народа киргизского и передовые его вожди в глубине таили крайнюю ненависть к своим поработителям, воспитанную веками.

В момент восстания едва-ли могла иметь место обдуманная провокационная политика правительства, за исключением единичных случаев, так как именно в этот момент правительство больше всего боялось вызвать в степи и на границе с Китаем какие-либо эксцессы, которые могли наиболее сильными и тяжелыми последствиями обрушиться, прежде всего, на само правительство, отвлечь его внимание от более серьезного противника, в лице Германии и Турции, связь с которыми, очевидно, была в степи не только через посредство мусульманских служителей религиозного культа, но даже и через своих манапов и наиболее богатых людей, исполнявших „хадж“, [71]) ибо имеются указания, что во время восстания сарыбагиши [72]), предводительствуемые влиятельным кара-киргизами, султаном Далбаевым, Баранбаевым, Сазановым, Баимбетом Баранбаевым и Алагушем Джантаевым, возле селения Ново-Троицкого (Пишпекского уезда) „совершили бату, т. е. жертвенную молитву, призывая своих сородичей об'единиться для об'явления газавата, т. е. священной войны с неверными. Здесь же по древне-азиатскому обычаю, на бе-

лом войлоке поднят был и провозглашен ханом внук манапа Джантая, манап Мукуш Шабданов, незадолго перед этим совершивший хадж в Константинополь и Мекку" [73]).

Издавая приказ по Семиречью 1-го июля 1916 года о призыве „туземцев" на тыловые работы армии [74]), правительство, если бы оно предвидело, что последствия приказа выльются в форму „мятежа" или „бунта", естественно, заранее приняло-бы все меры предосторожности и, безусловно, увеличило бы свои не только городские, но и станичные гарнизоны для безболезненного проведения призыва киргизского населения на тыловые работы [75]). Но здесь, со стороны Семиреченской администрации, была недооценка настроения киргизских масс, и сентябрьское восстание неожиданно для правительства вспыхнуло не только в наиболее крупных очагах—Ташкенте и Джизаке, но молниеносно перекинулось в Семиречье, где приняло значительные размеры в юго-восточной его части, главным образом в Каркаре, бассейне озера Иссык-Куля и верховьях реки Чу, среди казак и кара-киргиз.

Восстание в этих пунктах (Пржевальском, Пишпекском и Верненском уездах) было настолько сильно, что у администрации Семиречья возникло предположение, впоследствии, по ликвидации „мятежа," из района Иссык-Кульской котловины, Каркары и Текеса совершенно выселить киргиз в Нарынский участок с образованием из него особого уезда. Тем самым, наиболее зараженные восстанием очаги, мыслились заселить исключительно казачьим элементом.

Разработка плана „выселения" была поручена полковнику Колосовскому, специально вызванному для этой цели из Ташкента. Поручение Колосовским было выполнено, но не проведено в жизнь, вследствии последовавшего скоро февральского переворота, однако, из возвратившихся к 1-му ноября киргизских волостей и оставшихся в Нарынском районе было образовано 17 волостей с общим числом до 17.000 кибиток, причем возвратившимся были поставлены условия „вернуть всех пленных, выдать оружие и главарей и поставить для нужд армии по 200 хороших лошадей от волости" [75]).

Едва ли правильно заключение Г. И. Бройдо, что администрация искусно расширяла район и остроту волнений. Расширение района волнений, как указано выше, было не в интересах ее, что же касается вообще искусности операций, то они были чрезвычайно необдуманны, с какой бы точки зрения мы к этому вопросу не подходили, ибо эти операции растерянной власти обнаруживали полное убожество руководителей, впоследствии признававших, что в процессе борьбы были настолько острые и опасные моменты, когда русская власть в Семиречьи неминуемо должна была сдать свои позиции повстанцам.

Многие администраторы и военные руководители говорили словами покойного генерала Колпаковского, что „во всем этом деле была

рука Провидения, заранее предначертавшая весь ход событий". Эти слова сказал Колпаковский, характеризуя свою „боевую искустность" в известном Уйун-Агачском бое с кокандцами 21 октября 1860 года [76]).

Национальная рознь, миссионерская деятельность русских священников и религиозный фанатизм, возбуждаемый муллами, были также значительными факторами, углубившими значение восстания.

Не отрицает этого факта и З. Миндлин в своем очерке „Киргизы и Революция" [77]).

На следы участия мулл в восстании указывает также и донесение Токмакского пристава. Кара-киргизы Атекинской волости Султан Долбаев, Макуш Шабданов и их сородич Белек Салтанов „с помощью мулл убеждали киргиз повести священную войну против русских", и 18-го августа при осаде Токмака ими „была брошена прокламация" следующего содержания:—„Токмакскому волостному старшине и аксакалу Кашгарских сартов. Приказание от главных управителей всем (сопротивляющимся) побросать оружие и покориться мусульманам. Ослушники будут уничтожены" [78]). Но к методам религиозной пропаганды прибегали, конечно, не с целью охватить ей киргизское население, по психическим и природным своим свойствам далеко не религиозное и не поддающееся убеждениям религии. Несомненно, цель религиозной пропаганды была направлена на фанатически настроенных, в религиозном отношении, таранчей, сартов, татар, дунган и кашкарлыков, чтобы зажечь в них искру религиозного возмущения и тем самым завоевать симпатию киргизского „мятежа," приобщить эти сочувствующие бок-о бок с киргизами народности к общему восстанию и сделать его популярным и авторитетным среди всего мусульманского населения Семиречья.

Однако, окруженное тесным кольцом казачьих станиц и новосельческих селений и наученное горьким опытом прежних лет, оседлое мусульманское население, не могло так быстро поддаться пропаганде и открыто проявить свою активность, вследствии чего настроение этих мусульманских групп в момент восстания остается быть скрытым и характеризуется выжидательной политикой. Можно полагать, что при более благоприятных условиях, участия этих групп в восстании долго не пришлось бы ждать и при первом же значительном успехе со стороны повстанцев, киргизское восстание вылилось бы в более широкие размеры, приняв форму революции всего мусульманского населения Семиречья. Признаки этого были уже обозначены в сочувствии дунган Мариинской волости в момент успехов Пржевальских кара-киргиз.

Пожалуй, опрометчиво и без достаточных оснований Г. И. Бройдо утверждает, что действия администрации направлены были к тому, „чтобы вырезать киргизское население и очистить землю для дальнейшей колонизационной деятельности правительства".

В этой фразе, несомненно, звучит более обиды и быть может первого впечатления, произведенного жестокостью репрессивных мер в отношении к повстанцам.

По существу же это далеко неправильно, особенно если мы сделаем небольшой экскурс в область переселенческо-колонизационной политики царского правительства.

Формально правительство не прочь было сожительствовать с киргизским населением, перешедшим к оседлому образу жизни. Во „всеподданейшем отчете за 1895 год" генерал-губернатор Западной Сибири Казнаков писал, что „осторожное, без стеснения кочевого населения, водворение среди степей оседлого населения, частое общение русского населения с киргизами и наглядный пример более удобной жизни представляет единственное средство, могущее смягчить нравы и поднять уровень благосостояния полудикого народа" [79]).

В записке, командированного летом 1908 года в Семиреченскую область ревизора землеустройства Г. Ф. Чиркина прямо говорится, что „в районах, где стремление киргиз к земледелию уже проявилось в достаточной степени, необходимо приступить к поземельному их устройству на общих основаниях с переселенцами" [80]).

Как будто бы об этом же заботятся некоторые статьи и Степного Положения. Эти факты уже указывают, что правительство имело намерение не „вырезать" киргиз, а фактически оруссифицировать их, постепенно растворять в среде пришлого русского населения и этим создать оплот, твердую базу своего господства в Семиречьи, ибо правительство, учитывая настроение нашей порубежной полосы с Китаем, опасалось, что при пастбищно-кочевом хозяйстве киргизы могут чувствовать себя наименее связанными с территорией и всегда могут найти убежище в степях Монголии и Китая, в случае коренной и быстрой ломки их хозяйственно-правового и бытового уклада и численно увеличить ряды зарубежного врага.

У того же Казнакова в его „отчете" проглядывает боязнь, что киргизы „останутся верноподданными лишь по названию и будут числиться русскими только по переписи". Даже более того: киргизы, живущие по соседству с казаками, по словам губернатора, не только подвергаются влиянию руссификации, но наоборот „сами казаки научились поголовно киргизскому наречию и переняли некоторые, впрочем безвредные, привычки кочевого народа" [81]).

В самом деле, логически подходя к данному вопросу, как то совершенно не вяжется вывод Г. И. Бройдо. Какова могла быть цель массового уничтожения целого народа и кроме того путем жесткой резни. Неужели киргизы, вполне оформившийся и значительный по численности народ, был бы настолько слеп, что добровольно обрек бы себя на полное уничтожение только потому, что этого захотело русское правительство, которое все же было не на столько глупо

чтобы своими исключительными, „внезаконными“ мерами, поднять сигнал к стихийному восстанию всего инородческого населения и навсегда подорвать к себе доверие инородческих масс, так как восстание киргиз, которое было бы вызвано поголовной резней, несомненно, нашло бы должный отклик и всемерную поддержку других порабошенных Россией народностей.

Нам кажется, что царская правительственная инородческая политика тем характерна, что для выполнения своей основной цели, —оруссифицировать инородцев—она прибегала к приему постепенного окружения инородцев русскими населениями и растворением их в русской среде, аналогично тому, как это мы наблюдаем, в северных и южных окраинах Сибири и в частности в Чуно-Ангарском крае Енисейской губернии, где часть тунгузского и татаро-сагайского населения, соприкасаясь с русской культурой, рядом целых столетий настолько оруссифицировалась, растворилась в ней и потеряла свои национальные и самобытные черты и признаки, что внешне градацию между коренным инородческим и пришлым русским населением провести бывает чрезвычайно трудно и лишь антропологические особенности, и то в глазах специалиста, могут указать на генетические расовые расхождения тех и других.

Между тем, в этих окраинах правительство не прибегало к „резне“ (если не считать случаев насильственного обращения в христианство инородцев), да это и не могло входить в его задания, так как факт самой эксплоатации инородческого населения, к которой стремилось правительство, требовал наличия эксплоатируемой массы, а такой покорной, безобидной массой и служило, главным образом, инородческое население.

Ведь если взять историю колонизации, то эта история рабовладельчества, история сплошной самой жестокой эксплоатации. Эксплоатировать же массу можно лишь тогда, когда она твердо осела на место и органически и жизненно с ним связана.

Отсюда, если мы посмотрим на русские селения в Семиречьи, то они существуют исключительно за счет эксплоатации, главным образом киргизского оседлого населения. Русское мещанство, крестьянство и казачество сдает в аренду земли киргизам, русское мещанство, крестьянство и казачество обрабатывает землю руками оседлых киргиз, которые за это имеют право пользоваться клочком пахотной земли, едва дающей возможность не умереть от голода; русское население свои земские и другие повинности переносит на плечи киргиз, за что последние получают возможность иметь полуразвалившееся зимовье, едва предохраняющее их от холода: наконец, русское население эксплоатирует оседлых киргиз в различного рода ремеслах и кустарных производствах и компенсирует это едва сносным оседлым существованием.

Формально стремясь перевести в оседлость киргизское население, правительство, как общее правило, одновременно с этим еще более уделяет энергии тому, чтобы придавить эту оседлость чрезмерными тяготами.

Были случаи, когда переселенческая организация проводила из'ятие наиболее ценных земель, при одновременном перемещении владельцев таких земель на земли, по качеству своему не удовлетворительные; применялись из'ятия из пользования киргиз ирригационных сооружений, возведенных киргизами, практиковался повторный способ определения излишков для из'ятия их в пользу переселенцев, а распоряжения об из'ятии из пользования киргиз крупных скотоводческих участков, с передачей их в аренду русскому населению, с условием разведения и улучшения скотоводства, крайне обескуражило кочевое население, так как русские арендаторы, вместо исполнения данных обязательств, стали эксплоатировать эти участки, путем сдачи их в аренду под пастьбу скота тем же самым киргизам-скотоводам, в пользовании которых эти участки находились прежде, при этом с киргиз взимались, так называемые, подкопытные сборы и кроме того киргизы должны были платить за потраву и прочее.

Таким образом оседлость киргиз бок-о-бок с русскими селениями, в представлении правительственной власти, была необходимым практическим выводом властного положения и безобидного существования русского населения.

Такое положение дела было значительно хуже, чем „резня". Это было постепенное, закабаление киргиза-степняка путем колонизаторских экспериментов, в силу чего оседавшие на землю киргизы фактически обращались в холопов, батраков, которые не только могли, но должны были обслуживать нужды и прихоти мещанского, крестьянского и казаческого населения, т. е. того элемента, который в силу благоприятно сложившихся для него обстоятельств, постепенно свою пролетарскую и полупролетарскую идеологию, в конце концов, менял на мировоззрение кулака, дармоеда, кулака жестокого эксплоататора. Здесь без преувеличения можно применить слова профессора Н. Н. Фирсова, сказанные им о русской колонизации Сибири XVI столетия:—„Одним из самых серьезных последствий властного положения пришельцев (русских).... было то, что они являлись здесь рабовладельцами" [82]).—Пришельцы Семиречья, в отношении киргизского населения, также стали рабовладельцами...

Что же касается киргизского населения, с пастбищно-кочевым хозяйством, то в этом случае правительственная политика велась вполне определенно, решительно и открыто. Правительство не прикрывалось фиговым листком благожелательности, наоборот, оно даже формально желало избавиться от кочевого населения. Но и то не путем „резни", а мерами принудительного выселения, увеличения

обязанностей, за счет сокращения и ограничения правовых норм и из'ятия из пользования скотоводов кочевых угодий и создания таких экономических условий, при которых становилась немыслима жизнь свободолюбивого, привыкшего к простору степняка-скотовода. На этом, на наш взгляд, была построена главная сущность колонизационной политики правительства формально, якобы расточавшего свои повседневные заботы „благополучию" инородческого населения.

Могла ли колонизационная политика поднять хозяйственно-экономическое благосостояние, киргизского населения, о котором так, усердно „пеклось и заботилось" правительство? И не привели ли эти попытки к сдвигу экономики киргиз в диаметрально противоположную сторону?

Сокращая рамки пастбищно-скотоводческих угодий, правительство принуждало кочевников удаляться в наименее благоприятные, для скотоводческих хозяйств районы, в смысле топографических и климатических условий, где скот обречен был на вымирание от бескормицы, „джута", от эпизоотий.

Это же сокращение угодий вело к столкновению отдельных киргизских родов и к возбуждению внутренней партийной ненависти [83]), вследствии чего наименее мощные хозяйства должны были сокращать количество скота, что, в свою очередь, не могло не вызвать процесса общего экономического обеднения и обнищания кочевников-скотоводов, так как скотоводство является главной экономической основой киргиза, на которой построено все его хозяйство, все его благополучие.

Цифровые данные это вполне подтверждают. В целях более или менее правильного освещения их, мы приводим цифры скота кочевого населения за ближайшие годы, которые менее всего могли иметь случайные колебания. Эти годы—1910-1912, так как в 1909 году в степи был „джут", в 1913 году скупка скота переселенцами и в последующий 1914 год война, вызвавшая мобилизацию и скупку скота для нужд действующей армии.

Данные указывают, что к 1-му января числилось:

СКОТ	ГОДЫ:			ПРИМЕЧАНИЕ
	1911[84])	1912[85])	1913[86])	
	Количество голов скота			
Лошадей	886321	999192	815799	
Рогатого скота. . . .	554098	563597	513976	
Верблюдов	69111	84788	75490	
Овец и коз	5184801	4927536	4607274	
ВСЕГО . .	6694331	6574813	6012539	

Таким образом выходит, что в течении 3-х-летия количество скота у кочевого населения в Семиречьи сократилось в общем на 681792 головы, при этом мы совершенно не приняли в расчет ежегодный, вполне естественный приплод скота, который, по данным „Материалов“ П. П. Румянцева[87]), за вычетом проданного кочевыми хозяйствами на стороны и забитого на пропитание, должен в среднем для бедных, середняцких и богатых хозяйств составить 25,4%, что в свою очередь увеличивает приводимую нами цифру убыли скота более, чем на одну четвертую часть. Такой процент слишком убыльный и раззорителен для кочевого хозяйства.

Показателем убыли скота могут служить и ярмарочные операции края, где главным образом производилась скупка и сбыт живого скота и сырых животных продуктов.

В общем всего товаров и, главным образом, скота и сырья на ярмарках было продано:—[88])

НАИМЕНОВАНИЕ ЯРМАРОК	ГОДЫ		ПРИМЕЧАНИЕ
	1910	1911	
	Продано на сумму		
Каркаринская	300000	250000	
Попутненская	132000	130000	
Токмакская Пишпекская	200000	196000	

Из этих цифр видно, что продажная способность ярмарок в течении года сократилась в общем на 56000, что составляет 8,86%.

Вполне естественно, что с сокращением скота кочевые хозяйства понесли громадные материальные убытки, а вместе с тем и моральный ущерб и должны были в силу этих обстоятельств, увеличить армию батрачества, отдав его в кабальные условия русскому населению, которое, пользуясь случаем, свело его на положение рабов.

Понятие рабовладельчества, в применении его к условиям батрачества, термин не выдуманный, он вполне правильно отражает зависимость батрачества от крестьян и особенно ярко понятен тем, кому приходилось в своей практической обстановке сталкиваться с русским населением Семиречья и наблюдать русское хозяйство, обслуживаемое батрачеством. Батрак—это раб, находящийся в вековечном и неоплатном долгу от своего господина.

Впрочем и правительство само, наконец, в 1916 году открыто признало, что на инородцев оно смотрит, как на рабов, как на собственную вещь, ибо чем же другим можно об'яснить не случайно

придуманный в злополучном приказе от 1916 года термин „реквизиция“.

Реквизировать можно вещи, скот, имущество, для царского-же правительства оказалось вполне возможным реквизировать не только вещи, но и людей и в частности многомиллионное инородческое население России [89]).

Сокращение скотоводческого хозяйства, не могло не отразиться и на общем бюджете государства, его экономике и хозяйстве. За счет сокращения скотоводства в Семиречьи наблюдался процесс перепроизводства зерновых продуктов. В результате Туркестан потерял один из крупных своих внутренних сырьевых рынков, который мог бы вполне обслуживать нужды России скотом, мясом, волосом, шерстью и кожами, а это привело к тому, что России пришлось искать внешний рынок в Монголии и вывозить из нее сырьевых продуктов в среднем на 8000000 рублей [90]), тогда как расширение зерновой культуры давало в Семиречьи значительный излишек хлеба, который в 1914 году превысил 9000000 пудов [91]), но этот избыток нельзя было вывезти из пределов края за отсутствием в Семиречьи железно-дорожной магистрали и водных путей, которые связали-бы Семиречье с центральными промышленными районами [92]).

Все эти обстоятельства: практиковавшиеся принудительные перегруппировки и переселения киргиз, об'единение их, распоряжения, явно идущие в разрез со статьями 125—126 Степного Положения и целый ряд других причин, разжигали страсти к национальной вражде и внедряли в массы русского населения сознание, что киргизы являются „злейшим врагом“ русского народа, который призван стать над ними господином.

Но правилен ли был этот взгляд?

История прошлого показывает совершенно обратное. Можно взять для иллюстрации несколько красноречивых примеров обоюдных взаимоотношений киргиз и русского населения.

1877, 1878 и 1886 годы были крайне бедственны для киргиз Семиреченской области, т. к. суровая зима и гололедица отняли у них значительную часть скота и вызвали отчаянный голод.

Вместо того, чтобы оказать им помощь, русское казачество подняло до невероятных размеров цены на хлеб, которым сплошь завалены были казачьи амбары, и тем самым в эти годы обрекло киргиз на поголовное вымирание и полное разорение. По свидетельству доктора Ф. Пояркова, правительственная помощь несколько смягчила кризис голода среди киргиз, „но к глубокому прискорбию, говорит он, приходится отметить факт, что в числе пожертвованного хлеба не было ни крохи от соседа—русского крестьянина“ [93]).

Точно такие же слова, но значительно раньше, были сказаны Н. М. Ядринцевым по поводу бедствий киргиз в 1886 году [94]).

Совершенно противоположное отношение было киргиз к русским переселенцам. Тот же доктор Поярков, передает факт, когда в 1895 году партия русских переселенцев оказалась в критическом положении возле озера Балхаша и была уже на краю гибели, чуть ли не занесенная бураном, однако, „киргизы нашли их, приютили у себя, обогрели и дали знать в Пишпек уездной администрации. Пока подоспела помощь администрации, они все это время кормили целую партию крестьян, не взяв с них никакой платы "[95]).

Уже во время об'явления войны, в 1914 году и даже в 1915 году отдельные киргизские общества, по собственному почину, охотно помогали в полевых работах семьям запасных и ратников, призванных на войну.

Наконец, даже в самый момент восстания, когда вообще трудно было ожидать со стороны повстанцев какого либо человеколюбия, киргизское население, например Нарынкольского участка (суваны) выявило мягкость своего характера в отношении к своему противнику. Киргизы этого участка из общего числа 4959 кибиток в числе 2180 кибиток откочевали в Китай, не тронув ни одного русского селения, настроенного явно враждебно к откочевавшим и даже возвратили весь, взятый перед этим на выпас у крестьян и таранчей, скот. Такие примеры были не единичны.

Но чем было вызвано несправедливое отношение русских казаков и крестьян к киргизам, и почему это варварское отношение считалось вполне нормальным?

Несомненно, в этом большую роль играла политика царской власти, внедрявшей в сознание русского крестьянства, что всякий подвластный России „туземец" есть совершенно безличное существо, положение которого, перед каждым русским человеком, должно сводиться не более, как к представителю низшей расы, как к вьючному животному, эксплоатация которого не ограждена никакими законами.

Такое предубеждение издревле было впитано в плоть и кровь каждому русскому крестьянину, каждому солдату, каждому рабочему, ибо в этом рабском повиновении людей „низшей расы," правительственная власть видела одну из главных опор захватническим и хищническим своим замыслам и стремлениям. Недаром, в сознании киргизских масс, варварское отношение русских, нашло свое отражение в народной киргизской пословице:—„если ты хочешь быть другом русскому—держи наготове топор" [96]).

Наконец, нельзя закрывать глаза и на тот факт, что 1915 год принес русской армии значительные неудачи на западном фронте, что в свою очередь не могло не отразиться на общей ситуации Семиреченского края, даже и далеко стоящего по расстоянию от фронта, но, тем не менее, имевшего все данные к тому, чтобы, хотя в скрытой форме, но известным образом реагировать на это путем усиления среди мусульманской части политической пропаганды за отделение Киргизии от России.

Говорить многое о темноте в то время киргизских масс, о их политической и культурной отсталости, когда эти признаки имеются и в настоящее время, не приходится, но, между тем, к моменту восстания киргизская общественность настолько возросла, что могла представить себе конкретно и наметить пути и формы своего массового выступления в 1916 году и если это выступление в отдельных районах и носило характер стихийности, неорганизованности, отсутствия достаточного руководства, то в этом можно упрекнуть лишь руководителей восстания, далеко не взвесивших всех деталей, выпавших на них серьезных и ответственных задач. Массы, как и в Февральскую революцию, далеко опередили своих вождей и оставили их в хвосте своих требований. Это был первый этап, обеспечивший крах киргизскому восстанию, ибо вожди были ошеломлены размерами, в которые выливалось оно и в итоге восстание осталось без своих вождей.

Царское правительство, как и всегда, боялось заглядывать в сущность и корень „мятежа". Оно, в лице своих уездных начальников, указывало на целый ряд причин, вызвавших „мятеж", но эти причины, вернее поводы—второстепенного характера, едва ли могли быть сколько нибудь основательными для массовых выступлений, вероятнее всего, большая доля из них была плодом ограниченной фантазии, черезчур перепуганной уездной администрации, затемнявшей главные и основные моменты восстания, принявшего характер национального освободительного движения, мелочами, не имевшими под собой твердой почвы и принимавшиеся высшей административной властью военной и гражданской за чистую монету, без надлежащей оценки и критического анализа.

Так, например, восстание ставилось в связь с появившимися агентами Германии в Кульджинском крае Западного Китая и в Кашгарской его провинции, действовавшими на массы путем агитации через дунган[97]), привлеченных из Кульджи внезапно выросшим в широких размерах опиумным делом в Пишлекском, Пржевальском и Джаркентском уездах, а также через выходцев из Кашгара—кашгарских сартов или, как их называют, кашкарлыков, принятых на срочные работы по орошению реки Чу и на постройку Семиреченской железной дороги; приписывалось большое значение и тому, что влиятельные и богатые киргизы, при составлении списков на рабочих, подлежащих „реквизиции", использовали свое влияние для того, чтобы выдвинуть в числе тыловых рабочих „джатаков" и „бухару", своих же сородичей избавить от повинностей. Как на одну из значительных причин, указывали на появление прокламаций, говоривших о слабости России, непобедимости Германии, о близком вторжении в русский Туркестан китайцев, наконец, считали причастным к „беспорядкам" китайских анархистов партии „геляо." Даже выставлялись такие наивные мотивы, как существование какой-то неизвестной гра-

моты царя Александра I-го, освобождающей киргиз навсегда от личной воинской повинности [98]) и т. п.

Конечно, все это относится к области слухов и слухов в значительной части непроверенных. Для нас более важен вопрос: можно ли было ожидать успеха в выступлении повстанцев?

Успех был прежде всего обеспечен растерянностью правительственной власти, быстротой восстания и его крупными размерами, временем восстания (полевые работы), отсутствием на местах достаточной правительственной военной силы и русского взрослого мужского населения. Сами природные условия: степи-пустыни, непроходимые горные ущелья могли в то время служить одним из значительных препятствий к своевременной переброске правительственных войск в районах, наиболее охваченных движением; недостаток скота, фуража, воды и прочих необходимых продуктов питания армии, способность киргиза—степняка к быстрому неожиданному массовому набегу и уменье стойко и храбро сражаться с противником, явное сочувствие соседей: кашкарлыков, китайцев, китайских дунган и таранчей киргизам и, наконец, правда, рабское и скрытое недоверие казачества и солдат к верхам Семиреченского войска, заподозренным в сочувствии к Германо-Турецкому Союзу.

Последнее предположение оправдывается, хотя бы тем, что в народном сознании Семиреченского казачества и старожил до сих пор укрепилось мнение, что генерал Фольбаум—в то время генерал-губернатор Семиреченской области, держался германской ориентации и всеми мерами содействовал успеху киргизского восстания. Молва народная при этом ссылалась на тот факт, что посланные для Пржевальского отряда партии винтовок и патронов, под конвоем всего лишь нескольких солдат, были перехвачены киргизами в Боамском ущельи и отобраны, солдаты-же были убиты. Слабый конвой при значительном количестве боевого материала, по мнению казаков, указывал, что генерал Фольбаум сделал это с заранее обдуманной целью.

Насколько такое мнение было преобладающим среди широких масс населения, показывает факт, что после Февральской революции, докатившейся и до города Верного, население Алма-атинской станицы потребовало вырыть из могилы труп, незадолго до этого умершего генерала, так как предполагало, что Фольбаум скрылся в Германию, а вместо него похоронен умерший казак. Мнение это, конечно, не имеет под собой почвы, хотя бы судя по приказу Фольбаума, отданному впоследствии убитому повстанцами приставу Бакуревичу: „всех встречных киргиз уничтожать, а села сжигать“[99]).

Однако, почему киргизское восстание не имело успеха?

Наивно было-бы, конечно, искать причин неуспеха в могуществе царской власти, наоборот, здесь имеются на лицо все признаки того что местная власть была бессильна и не располагала достаточным умением ориентироваться в событиях. Несомненно, что на помощь

власти пришли: отсутствие внутренней организационной связи между отдельными отрядами повстанцев и этих последних с главными очагами восстания, самооборона русского населения, вызванная инстинктом самосохранения и боязнью расправы за несправедливости, которые допускались по отношению к киргизам.

Самооборона помогла опомниться власти, стянуть соответствующее количество боевого материала и распределить его в пунктах наибольшего сопротивления повстанцев и тем самым нанести удар главному ядру „мятежа," затем слишком обширный район восстания, вызвавший распыление сил у повстанцев; третья, наиболее основательная причина, вызвавшая неуспех „мятежа," заключалась в патриотическом поведении кругов русского общества и в победоносных настроениях либеральной интеллигенции, в момент „мятежа," проявивших максимум солидарности с представителями Семиреченской власти, чтобы ослабить восстание и противопоставить свой патриотизм вполне естественным попыткам киргизского народа сбросить с себя гнет царской власти.

Наконец, четвертая, не менее основательная причина, скрывалась в самой общественности киргиз, вернее в ее идейных течениях к этому моменту.

Мы знаем, что в этот период был под'ем в киргизской общественности, но вместе с тем и раскол внутри ее, наметившийся в тактических соображениях, политических группировок — с одной стороны, примиренческой, идущей в сотрудничестве с русским чиновничеством (либеральная группа газеты „Казак") и с другой — явно враждебной всему русскому и ориентирующейся в сторону мусульманского Востока (группа газеты „Ушжус", в 1917 году принявшая социалистическую окраску [100]), что дало возможность царскому правительству нанести серьезный удар по революционизированию киргизских масс и лишь Февральская революция снова выносит их на волны освободительного движения, чтобы в последующем ходе событий покончить „с иллюзиями националистической обособленности" и проложить путь киргизским массам к сближению и единению с русским пролетариатом.

Эти все причины в целом явились главным и наиболее сильным орудием в руках противника, чтобы идее завоевания казак-киргизами и кара-киргизами своей политической и национальной независимости, не дать практически осуществиться, по крайней мере, в год восстания, почему подавление его было настолько жестоко и беспощадно, что массы киргизского кочевого населения должны были покинуть пределы России и искать убежища в Западном Китае [101]). Оставшиеся-же в пределах Семиречья подверглись поголовному уничтожению и ограблению со стороны карательных отрядов и населения отдельных казачьих станиц и поселков, особенно в Беловодском и Теплоключенском районах, а по указанию

генерал-губернатора все убытки, причиненные „мятежем", возмещались не иначе, как из сумм, вырученных от продажи конфискованного у мятежников имущества в виде скота, домов, насаждений, посевов и прочее [102]).

В результате мы имеем колоссальные, как и материальные, так и человеческие жертвы, понесенные кочевым населением. Впрочем, учета человеческим жертвам, понесенным со стороны киргизского населения, не велось, ибо киргизы уничтожались поголовно и безнаказанно всеми, кто в этом был заинтересован.

Попытки-же бежать целыми аулами и родами заграницу окончились полным неуспехом, так как китайская власть приняла все меры к тому, чтобы беженцы не всколыхнули умы дунган и кашкарлыков и не повторили таранчинско-дунганской революции 1864 г.

Те симпатии, которые проявлялись со стороны этих народностей к киргизам, теперь, при неудаче, отошли на задний план и большая часть киргиз, главным образом джагаки и бухара, попали в буквальном смысле, из огня да в полымя.

Началось с того, что беженцы должны были за переход через границу уплатить громадные суммы деньгами, скотом и домашним имуществом. Цены на продукты первой необходимости моментально возросли до невероятных размеров, снопа клевера, например, с трех копеек по цене, поднялся до семи рублей. Голодные, умирающие повстанцы из-за куска хлеба стали продавать в рабство своих жен и детей. Наступившее в Кульджинском крае холода и выпавший глубокий снег вызвали голод и мор среди скота, пригнанного беглецами и отданного за бесценок.

Продвигаясь в долину реки Текеса, беженцы были встречены калмыками [103]), ограбившими последние достатки. Эти несчастия бежавших киргиз на реку Текес, вылились в море слез, когда беженцы проникли в Кашгар, ибо, как и та часть беженцев, которая направилась непосредственно в Кашгарскую провинцию, вследствии холодов и снежных буранов на Сыртах, к югу от озера Иссык-Куля, потеряла значительную часть скота и совершенно была раззорена этим чрезвычайно тяжелым и изнурительным переходом [104]). Но об отступлении назад не могло быть и речи до тех пор, пока вспыхнувшая в России революция не открыла широко двери повстанцам для возвращения их в свои кочевья.

Материалы, которые были собраны в Семиреченском Статистическом Комитете, сельско-хозяйственной переписью 1916 года, по данным уездной администрации и, главным образом, по данным полковника Колосовского [105]), специально выяснявшего вопрос о размерах убытков, понесенных „взбунтовавшимися туземцами" представляются в следующем виде (за исключением Копальского уезда, сведений о котором, к сожалению, в этих данных не имеется, кроме того уезд этот почти не пострадал от восстания):—

УЕЗДЫ И ВОЛОСТИ.	КИБИТОК.				
	Состояло до восстания в 1916 г.	Убыло		Осталось к 1 января 1917 года	
		Абс. ч.	В %%	Абс. ч.	В %%
ВЕРНЕНСКИЙ УЕЗД.					
1. Батпаевская волость	1460	1076	73,85	382	26,15
2. Кызылбурговская	1129	463	41,01	666	58,99
3. Сюгатинская	1753	391	22,18	1367	77,82
Итого по уезду	4347	1932	44,45	2415	55,55
ДЖАРКЕНТСКИЙ УЕЗД.					
1. Адильбековская вол.	388	388	100,00	—	00,00
2. Айтовская	912	822	90,13	90	9,87
3. Альджановская	903	803	88,93	100	11,07
4. Байтюгеевская	750	570	76,00	180	24,00
5. Баянкольская.	863	863	100,00	—	00,00
6. Борохудзирская	1012	222	21,93	790	78,07
7. Будетынская	8 3	538	67,00	265	33,00
8. Ивановская	787	787	100,00	—	00,00
9. Кегенская	972	832	85,57	140	14,43
10. Кожмамбетовская	1351	841	62,25	510	37,75
11. Конурбурговская	1122	907	80,84	215	19,16
12. Курмановская	927	847	91,37	80	8,63
13. Меркинская	1169	1119	95,72	50	4,28
14. Ток-Арустановская.	860	450	52,32	410	47,68
15. Турдымбетовская	921	451	48,97	470	51,03
16. Тур-Айгырская	777	637	81,98	140	18,02
17. Сарытогайская	677	487	71,94	190	28,06
18. Сатаевская	800	572	71,95	228	28,05
19. Чиликская	1102	582	52,82	520	47,18
Итого по уезду	17096	12718	74,38	4378	25,62

УЕЗДЫ И ВОЛОСТИ.	КИБИТОК				
	Состояло до восстания в 1916 г.	Убыло		Осталось на 1 января 1917 года.	
		Абс. ч.	В %%	Абс. ч.	В %%
ПИШПЕКСКИЙ УЕЗД.					
1. Абаилдинская волость	940	172	11,93	1270	88,07
2. Темирбулатовская	502				
3. Атекинская	973	973	100,00	—	00,00
4. Байсеитовская	405	633	34,25	1215	65,75
5. Шамсинская	1443				
6. Бакинская	661	48	87,91	613	92,59
7. Буранинская	342	1326	55,65	1055	44,35
8. Нурманходжинская	996				
9. Курмабетовская	1043				
10. Джумгальская	902	1417	70,91	606	29,09
11. Кочкарская	1221				
12. Джанышевская	688	126	18,31	562	81,69
13. Джамансартовская	742	118	15,91	624	84,09
14. Иссыгактинская	1016	359	35,34	657	64,66
15. Качкинская	595	15	2,35	580	97,65
16. Каракечинская	1026	500	48,74	526	51,26
17. Карабалтинская	666	272	40,84	394	59,16
18. Мамохановская волость	386	14	3,63	372	96,37
19. Сарыбагишевская	1546	1546	100,00	—	00,00
20. Сусамырская	746	246	33,98	500	67,02
21. Тлеубердинская	1446	304	21,02	1142	78,98
22. Тынаевская	1756	1102	62,76	654	37,24
23. Черекчинская	415	40	9,64	375	90,36
24. Чумичевская	776	86	11,08	690	88,92
25. Шамурзинская	699	16	2,29	683	97,71
Итого по уезду	21813	9313	42,66	12518	57,34

УЕЗДЫ И ВОЛОСТИ	КИБИТОК				
	Состояло до восстания в 1916 г.	Убыло		Осталось к 1 января 1917 года	
		Абс. ч.	В %%	Абс. ч.	В %%
ПРЖЕВАЛЬСКИЙ УЕЗД:					
1. Аджинская волость	720	701	47,13	850	52,87
2. Нарынская	831				
3. Аул сарт-калмакская	483	267	55,28	216	44.72
4. Бакачинская волость	1078	1078	100,00	—	00,00
5. Барскаунская	705	705	100,00	—	00,00
6. Восточно-Джетыгузовская	1014	1014	100.00	—	00,00
7. Джамбаевская	993	993	100,00	—	00,00
8. Джаныбековская	1080				
9. Он-Арчинская	1831	2541	64,45	1403	35.55
10. Улахильская	1033				
11. Джуван-Арыкская	1221				
12. Саяковская	1126	1975	55,98	1553	44,02
13. Семизбельская	1178				
14. Западно-Джетыогузовская	1347	1347	100,00	—	00.00
15. Заукинская	1128	1128	100,00	—	00,00
16 Иссенгуловская	856				
17. Чоринская	1139	1186	42.03	1610	57,97
18. Шатеновская	801				
19. Кенсуйская	18 0	1850	100,0	—	00,00
20. Кунгей-Аксуйская	1225	1225	100,00	—	00,00
21. Курмектинская	1493	1493	100,00	—	00,00
22. Курт-Каморченская	488	488	100,00	—	00,00
23. Ниязбековская	534				
24. Бирукчинская	730	658	34,42	1254	65,58
25. Манакельдинская	648				
26. Мариинская (дунгайская)	0	С Е	Д Л	А Я.	
27. Торгаевская	1164	1164	100,00	—	00,00

УЕЗДЫ И ВОЛОСТИ	КИБИТОК				
	Состояло до восстания в 1916 г.	Убыло		Осталось к 1 января 1917 года	
		Абс. ч.	В %%	Абс. ч.	В %%
28. Тургенская	2338	1952	83,53	386	16,47
29. Тюпская	1476	1476	100,00	—	00,00
30. Чаштюбинская	1083	1083	100,00	—	00,00
31. Чериковская	1077	677	62,86	400	37,14
32. Шаркратминская	1314	744	38,73	1177	61,27
33. Бугенекская	607				
Итого по уезду	34594	24252	70,21	10342	29,79
ЛЕПСИНСКИЙ УЕЗД:					
1. Барлыкская волость	1449	869	59,06	580	40,03
2. Западно-Чиликтинская	1998	94	4,21	1904	95,79
3. Урджарская	1826	1321	72,36	505	27,66
4. Эмельская	1798	1158	64,41	640	35,59
Итого по уезду	7071	3442	48,68	3629	51,32
КОПАЛЬСКИЙ УЕЗД:	СВЕДЕНИЙ НЕТ.				
Итого по области	84939	51657	61,94	33282	38,06

Если даже и не вполне доверять этим цифрам, как не претендующим быть безупречно точными, так как переучет кибиток не мог проходить в нормальной обстановке в период острого недоверия, вызванного жестоким подавлением восстания и назревшей революцией, неуспехами на фронте и общим тревожным положением, тем не менее цифра убыли кибиток, безусловно, значительная, хотя и не вполне правильно отражает пункты особенно острой и напряженной борьбы, но это об'ясняется тем, что кочевые волости в уездах с наибольшей потерей кибиток, откочевывая в пределы Китая, почти не оказывали в своем следовании активного сопротивления Семиреченской власти, для которой перекочевки оказались большей частью неожиданными и неуловимыми.

Итак, отдельно по уездам, цифра разоренных, совершенно уничтоженных и перекочевывавших в китайские пределы кибиток, выражается следующими данными:

УЕЗДЫ	Убыль кибиток в %%
Джаркентский уезд	74,38%
Пржевальский »	70,21%
Лепсинский »	48,68%
Верненский »	44,45%
Пишпекский »	42,66%
Копальский »	Сведений нет.

По этим же цифрам не трудно определить и приблизительную убыль кочевого населения, считая, что на каждую кибитку, по данным переписи, в общем приходилось 5, 1 душ обоего пола, что составляет:

УЕЗДЫ	Количество населения		
	До восстания	К 1-му января 1917 г.	Убыло
Джаркентский уезд	87190	22328	64862
Пржевальский »	176429	52744	123685
Лепсинский »	36062	18508	17554
Верненский »	22170	12317	9853
Пишпекский »	111338	63842	47496
Копальский »	Сведений нет.		
Итого	433189	169739	263450

Присоединив же к последней цифре население Маринской (дунганской) волости (не кочевой), также бежавшей в Китай в числе 2590 человек обоего пола[106]). Общая убыль киргизско-дунганского населения выразится в 266040 человек, что составляет 20,14% всего населения области, которого к 1-му января 1917 года, по официальным данным, числилось 1 320953 человек обоего пола.

Правда, из числа убывших сравнительно большая часть возвратилась из-за границы, но все таки по людским жертвам киргизское население понесло потери почти равные ущербу, понесенному небольшим государством во время минувшей европейской войны.

Запашки и скотоводческое киргизское хозяйство области также потерпело громадные убытки. По данным сельско-хозяйственной переписи 1916 года и по сообщению волостных управителей в киргизских кочевых волостях и оседлой дунганской, Мариинской волости до восстания числилось:

УЕЗДЫ И ВОЛОСТИ	КОЛИЧЕСТВО СКОТА					Площадь посевов в казенных десятинах
	Лошадей	Крупного рогатого скота	Верблюдов	Овец и коз	Общее число голов скота	
ВЕРНЕНСКИЙ УЕЗД:						
1. Ботпаевская волость	11776	3288	3068	68144	86271	1888
2. Кызылбурговская	5876	4083	—	29989	39948	2015
3. Сюгатинская	8263	6514	167	63063	78007	1047
Итого по уезду	25915	13885	3235	161196	204226	3945
ДЖАРКЕНТСКИЙ УЕЗД:						
1. Адильбеков. волость	4787	1836	177	16680	23480	—
2. Айтовская	2657	3027	—	19088	24772	213
3. Альджановская	3116	2589	—	26137	31842	250
4. Байтюгеевская	502	622	—	5597	6721	100
5. Баянкольская	7281	4552	262	20386	32481	870
6. Борохудзирская	2965	1347	443	69354	74109	320
7. Будетынская	1239	2314	92	24065	27710	76
8. Ивановская	11022	4538	226	39729	55515	1536
9. Кегенская	4736	3030	102	38748	46616	250
10. Кожмамбетовская	6960	4489	151	63626	75226	—
11. Конорбурговская	7301	5820	699	74849	88669	—
12. Курмановская	2681	2691	48	14953	20373	309
13. Меркинская	4294	3178	16	29776	37254	406
14. Ток-Арустановская	920	983	—	9132	11035	473

УЕЗДЫ И ВОЛОСТИ	КОЛИЧЕСТВО СКОТА					Площадь посевов в казенных десятинах
	Лошадей	Крупного рогатого скота	Верблюдов	Овец и коз	Общее число голов скота	
15. Турдымбековская .	1320	1538	129	21521	24503	216
16. Турайгырская. .	1213	1868	95	27379	30555	1178
17. Сарытогойская .	845	2416	104	24011	27376	45
18. Сатаевская . .	853	1196	—	8579	10628	206
19. Чиликская . .	3108	3227	68	34888	41291	1075
Итого по уезду .	67800	51261	2612	568488	690161	7577
ПИШПЕКСКИЙ УЕЗД:						
1. Абаильдинская вол.	5686	2680	400	53760	62526	1684
2. Темирбулатовская .	4546	4848	467	67330	77191	1849
3. Атекинская . .	25075	3739	115	67134	96063	7970
4. Байсеитовская .	1168	931	44	5501	7644	578
5. Шамсинская . .	635	4078	343	22952	28008	4976
6. Бакинская . .	2682	2166	67	14110	19025	2150
7. Буранивская . .	1668	1106	178	5495	8447	1894
8. Курманхождинская.	4722	2687	414	39195	47018	1667
9. Нурмамбетовская .	2578	2342	317	8532	13769	13592
10. Джумгальская. .	5954	2770	500	12290	21514	1320
11. Кочкарская . .	7269	4138	705	48869	60981	1930
12. Джанышевская . .	3913	1143	63	16958	22077	2370
13. Джамансартовская .	3996	3588	121	17783	25488	2330
14. Иссыгатинская .	2794	2711	123	11204	16832	2946
15. Кочкинская . .	3200	2000	319	24143	29662	407
16. Каракечинская .	5063	3653	536	39571	48823	1404
17. Караблтинская .	2842	2890	119	15160	21011	3462
18. Мамохоновская .	1632	1704	96	9763	13195	2048
19. Сарыбагишевская .	6725	4366	543	62015	73649	3208
20. Сусамырская вол. .	7416	2934	448	39622	50420	958
21. Тлеубердинская .	3012	1917	90	12680	17699	1716
22. Тынаевская . .	10535	8204	406	66404	85549	8720

УЕЗДЫ И ВОЛОСТИ	КОЛИЧЕСТВО СКОТА					Площадь посевов в казенных десятинах
	Лошадей	Крупного рогатого скота	Верблюдов	Овец и коз	Общее число голов скота	
23. Черекчинская	2300	1508	340	2000	6149	762
24. Чумичевская	5318	3096	269	27653	36366	1131
25. Шамурзинская	2172	2104	161	16780	21217	902
Итого по уезду	133390	78860	7478	764750	984478	74831
ПРЖЕВАЛЬСКИЙ УЕЗД:						
1. Аджинская волость	3461	2366	609	33534	39940	780
2. Нарынская	2941	2210	754	33248	39153	1619
3. Аулсарт-калмакская	1898	1696	—	4614	8208	1790
4. Бакачинская	6784	4340	470	42370	53964	724
5. Барскаунская	2492	2380	341	28870	34083	1574
6. Восточно-Джетыогуз.	1569	1101	—	9969	12630	802
7. Джамбаевская	3594	3178	469	45828	53069	1032
8. Джаныбековская	9780	4793	632	48317	63522	923
9. Он-Арчинская	8742	4584	489	49674	63489	1632
10. Улахольская	7747	4820	576	46742	59885	839
11. Джуван-Арыкская	4963	3474	872	14760	24068	472
12. Саяковская	4289	2567	658	20832	28346	2009
13. Семизбельская	4921	2917	837	46760	55435	472
14. Западно-Джетыогуз.	4292	3503	526	12932	21253	2214
15. Заукинская	3570	3364	238	60206	67378	386
16. Иссенгуловская	5934	3223	709	49397	59263	1067
17. Чоринская	6066	3638	1405	46747	57856	2759
18. Шатеновская	4879	2987	852	52350	61068	1789
19. Кенсуйская	3636	2632	265	16840	23373	4930
20. Кунгей-Аксуйская	3156	2286	274	27356	33072	2637
21. Курмектинская	4934	3670	280	47650	56534	1972
22. Курткамерченская	6457	4165	398	49360	60380	1372
23. Ниязбековская	2136	1676	224	41394	45430	863

УЕЗДЫ И ВОЛОСТИ	КОЛИЧЕСТВО СКОТА					Площадь посевов в казенных десятинах
	Лошадей	Крупного рогатого скота	Верблюдов	Овец и коз	Общее число голов скота	
24. Боруккчинская . .	2470	1789	348	13670	18277	891
25. Мунакельдинская .	2636	2087	232	24251	29209	455
26. Мариинская (дунган)	806	834	59	3779	5479	1794
27. Торгаевская . .	2191	2704	224	24412	29531	545
28. Тургенская .	11391	7159	786	52455	72291	3936
29. Тюпская . .	13640	5742	773	37740	57895	6340
30. Чаш-Тюбинская .	5806	3157	845	92447	102255	1249
31. Чериковская . .	5485	3617	976	37856	47934	907
32. Шаркратминская .	4885	3082	877	43776	52691	1916
33. Бугенекская . .	4840	1974	264	40798	47876	998
Итого по уезду .	162390	104185	17262	1200928	1484765	53760
ЛЕПСИНСКИЙ УЕЗД:						
1. Барлыкская волость	4688	4589	661	41850	54788	836
2. Западно-Чинжилин. .	5577	4392	384	30442	40795	2987
3. Урджарская . .	6034	4568	303	72645	83550	636
4. Эмельская . .	6224	7066	819	63794	77903	2719
Итого по уезду .	22523	20615	2167	211731	257036	7178
КОПАЛЬСКИЙ УЕЗД:	СВЕДЕНИЙ НЕТ.					
Итого по области:	412018	268806	32749	2907093	3620666	147291

Что составляет ко всем кочевым хозяйствам в процентном отношении по уездам:

В Верненском уезде .	19.62	18.16	16,21	15,13	15,66	4,55
» Джаркентском . .	98,90	97,90	95,25	94,15	96,26	98,81
» Пишпекском .	47,55	50.27	53,26	48,93	48,90	63,49
» Пржевальском . .	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00
» Лепсинском .	14,12	18,60	10,74	24,02	20,50	16,07
» Копальском . .	СВЕДЕНИЙ НЕТ.					
Средний % по области . .	55,88	56.82	55,09	56,44	56,02	56,58

И в отношении всех вообще хозяйств:

УЕЗДЫ И ВОЛОСТИ	КОЛИЧЕСТВО СКОТА					Площадь посевов в казенных десятинах
	Лошадей	Крупного рогатого скота	Верблюдов	Овец и коз	Общее число голов скота	
В Верненском уезде .	15,31	11,41	16,19	13.71	13,66	2,52
» Джаркентском . .	81 13	6[illegible],43	94,36	85,87	83,13	25,61
» Пишпекском .	43,[illegible]9	35,04	52,69	47,17	45,07	38,21
» Пржевальском . .	87,49	70,41	99,98	94,27	90,76	61,19
» Лепсинском .	11,87	11,15	10,66	19,53	17,16	6,86
» Копальском . .	С В	Е Д	Е Н	И Й	Н Е Т.	
Средний % по области: . .	49,86	38,88	54,77	52,01	49,96	26,88

Сопоставляя эти данные с донесениями уездных начальников по ликвидации уже восстания, мы можем почти с точностью установить, что в уездах Верненском, Лепсинском, в пяти волостях Пишпекского уезда: Бакинской, Иссыгатинской, Карабалтинской, Мамохановской и Тлеубердинской и в пяти волостях Джаркентского уезда: Байтюгеевской, Бороходзирской, Ток-Арустановской, Турдымбетовской и Сатаевской, вернувшиеся из Китая кибитко-владельцы могли собрать урожая не более как с одной четверти своих посевов, во всех остальных волостях этих уездов и уезда Пржевальского почти все посевы погибли, будучи вытравлены, вытоптчены и сожжены карательными отрядами и частью отступившими повстанцами.

Что касается количества потерянного скота, то в Верненском и Лепсинском уездах, в десяти перечисленных волостях Пишпекского и Джаркентского и в 14-ти волостях Пржевальского уезда: Аджанской, Нарынской, Он-Арчинской, Джуван-Арыкской, Саяковской, Иссенгуловской, Черинской, Шатеновской, Ниязбековской, Беркучинской, Мунакельдинской, Чириковской, Шаркратминской и Бугенекской осталось не более одной трети скота, бывшего до восстания у кочевого населения в наличии.

В остальных частях области и в частности в 20-ти волостях Пишпекского уезда: Абаильдинской, Темирбулатовской, Атекинской, Байсеитовской, Шамсинской, Буранинской, Курманходжинской, Нурмамбетовской, Джумгальской, Кочкарской, Джанышевской, Джаман-Сартовской, Качкинской, Каракечинской, Сарибагишевской, Сусемырской, Тынаевской, Черектинской, Чумичевской, Шамуразинской,

в 14-ти волостях Джаркентского уезда:-Адильбековской, Айтовской, Альджановской, Баянкольской, Будетынской, Ивановской, Кегенской, Кожмамбетовской, Конурбурговской, Курмановской, Меркинской, Турайгырской, Сарытогойской, Чиликской и в 19-ти волостях Пржевальского уезда:—Аулсарт-калмакской, Бакачинской, Барскаунской, Восточно-Джетыогузовской, Зукинской, Консуйской, Кунгей-Аксуйской, Курмектинской, Курткамерченской, Мариинской-дунганской, Торгаевской, Тургенской, Тюлской и Чаштюбинской - скот погиб почти весь.

В этом отношении яркую картину убыли скота и потери урожая в процентах, в отношении вообще ко всем хозяйствам, в охваченных восстанием уездах, дают следующие приблизительные поуездные цифры, составленные Семиреченским областным статистическим комитетом по данным донесений уездной Семиреченской администрации:

УЕЗДЫ	УБЫЛО СКОТА					Посевов в казенных десятинах
	Лошадей	Крупного рогатого скота	Верблюдов.	Овец и коз	Общее число голов.	
Верненский уезд . .	10.21	7.61	10.80	9,14	9,33	2,02
Джаркентский .	78,59	63,98	89,19	81,55	79,09	22,28
Пишпекский .	42.18	34,04	51,81	52,43	43,94	35,93
Пржевальский .	75.61	63,27	81,71	81,15	77,91	61,19
Лепсинский . .	7.92	7,43	7,10	13,03	10,77	5,24
Копальский . .	СВЕДЕНИЙ НЕТ.					
Средняя по области: . .	42,90	35,27	48,12	47,46	44,21	25,33

Таким образом казак-киргизское и кара-киргизское население было разорено в конец, а вместе с этим разрушен на долгие годы и хозяйственно-экономический уклад всего Семиречья или Джетысуя, считая города и поселки городского типа.

Таков жуткий финал восстания Семиреченских казак-киргизов и кара-киргиз в 1916 году.

Однако, как бы то ни было, но это восстание имело громадное идеологическое значение в истории не только киргиз, но и других национальных меньшинств Средней Азии, пробудив в них революционность и вызвав политический перелом в их настроениях.

Это обстоятельство более всего обязывает нас отнестись внимательно к собиранию материалов по восстанию 1916 года, его разработке, систематизации и критической оценке в связи с общим „брожением“ всего инородческого населения России в 1916 году, призванного по „реквизиции“ на тыловые работы в армии и прежде всего киргизского, ибо киргизский народ является одним из значительных звеньев в общей структуре Союза Советских Социалистических Республик.

Казакстан, г. Семипалатинск.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Смотреть ежемесячный общественно-политический, экономический, научно-педагогический и литературно-краеведческий журнал „Тан“ (Заря), Орган Губкома РКП(б), Губисполкома Советов и Губпрофсовета, г. Семипалатинск, 1925 г. № 2, стр. 126. Издается на киргизыке.

В № 2 (стр. 119—126) № 3 (стр. 125—131) и № 4 (стр. 135—140) журнала была напечатана лишь первая часть статьи и то в незаконченном виде, вследствие прекращения издания указанного журнала.

[2]) См. дело № 39 Семиреченского Областного Статистического К-та за 1916—1917 г. «О киргизских беспорядках в 1916 году», стр. 7.

[3]) См. там-же стр. 18.

[4]) См. там-же стр. 14.

[5]) См. там-же стр. 15.

[6]) См там-же стр. 13.

[7а]) „Аттан“ - сесть на коня, отправиться в поход, вооружаться (см. „Киргизско-русский словарь“. Оренбург, 1903 г. стр. 22. Издание 2-ое).

[7б]) „Алдыйар“ (Алда—йар)—бог пусть будет покровителем, спасибо (ibidem, стр. 11 „Алдыяр“—уран (боевой клич) казаков средней орды, рода Найман, подрода Садыр. Алдаяр жил в начале XVIII в. (см. Тынышпаев М. „Материалы к истории киргиз—казакского народа“ Ташкент, 1925 г., стр. 29).

[8]) См. дело № 89 стр. 15.

[9]) См. там-же стр. 14.

[10]) См. там-же стр. 17.

[11]) См. там-же стр. 91.

[12]) См. там-же стр. 37 и 38.

[13]) См. там-же стр. 38 и 41. По словам Г. И. Бройдо „Отряд посланный...на Курдай, явился на ст. Отар и узнал, что все лошади уведены, а ямщики поехали за ними в степь. Когда вернулись ямщики и привели лишь 8 лошадей, прапорщик, командовавший отрядом, приказал им выстроиться и расстрелял их (сообщение Курдайского старосты) См. „Новый Восток“ книга 6, Москва 1924 г., стр. 427.

[14]) См. дело № 39. стр. 11.

[15]) См. там-же стр. 12 и 13.

[16]) См. там-же стр. 91.

[17]) См. там-же стр. 98.

[18]) См. там-же стр. 99 и 100.

[19]) См. там-же стр. 77.

[20]) См. там-же стр. 101.

[21]) См. там-же стр. 78.—По словам-же Г. И. Бройдо „... в Самсоновке возвратившиеся 12 дружинников из Токмака, отправившиеся с Рымшевичем, сообщили, что в Самсоновке „боев“ нет, что осады нет, что киргизы не нападали на Самсоновку, но что Рымшевич каждое утро выступал в горы, где были толпы киргиз и там „с ними сражался“. Дружинников этих было от 7—10 человек и они свободно переехали из Самсоновки в Токмак, не подвергаясь никаким нападениям... С Токмака, имея вокруг себя манапов, он (Рымшевич) стал расстреливать уже на дороге к Самсоновке киргиз и вспорошил киргиз по левому берегу от Токмака до Самсоновки. Вокруг Самсоновки он уничтожил мулушки и почетные могилы“. См. „Материалы к истории восстания киргиз в 1916 году“, стр. 429.

[21]) Г. И. Бройдо в своем показании говорит, что „когда я 10 (августа) проезжал из Пишпека в Токмак, то от Покровки до Токмака долина была мертва и ни одного киргиза встретить нельзя было, а русские поселки представляли собой вооруженный и укрепленный лагерь". См. там же стр. 428.

[22]) См. дело № 39 стр., 79 и 80

[23]) По словам Г. И. Бройдо—„ за несколько дней до событий Токмакский пристав Байгулов, под страхом серьезного наказания, требовал от киргиз, работавших на постройке орошения около Токмака, чтобы они работы оставили, разъясняя, что Управление врет, что они будут освобождены от реквизиции, что на самом деле их собранных вместе прямо с работ возьмут и мобилизуют (см. рапорт Сыромятникова на имя начальника работ). Этот же Байгулов еще до приезда Рымшевича был в районе Джуван-Арык-Токмак. Что он там делал неизвестно, но он был с вооруженным отрядом". —См. „Материалы", стр. 433.

[24]) См. дело № 39, стр. 101.

По словам Г. И. Бройдо:—„ Когда я 16 (августа) выехал из Пишпека, то было в Пишпеке официальное сообщение о том, что Токмак окружен и осажден 10.000 киргизами. На утро мы приехали в Токмак—нигде ни души, ни осады, ни киргиз"... См. „Материалы", стр. 429). Далее...„вокруг Пишпека 16—18 (августа) были возведены баррикады, строили баррикады почти исключительно туземцы (около 600 человек), русских было не более 5—8% (там-же стр. № 432). Относительно похождений есаула Бакуревича, Г. И. Бройдо рассказывает следующее:—„Бакуревич между прочим рассказал, в присутствии инженера Веймарна, мировых судей Волкова и Королевского и доктора Ветровича, что в селе Михайловском (Карабулак) он нашел, что целая киргизская волость Карабулакская сдвинула свои юрты к русскому селу, заявив, что они будут вместе с крестьянами сражаться против киргиз, если те нападут... Однако Бакуревич взял заложников и повез их с собой, но, рассказывал он, „мои шутники потопили их по ошибке в Чу" (там-же стр. 428). Далее..."..в 11 часов 12-го августа Бакуревич с сотней казаков выехал к Шамсинскому перевалу, где действительно была толпа от 1000—1500 человек, киргизы эти были уже вооружены дрекольями и пиками... у них было 3—5 ружей. Бой закончился убийством 300 киргиз, одного казака, упавшего с лошади, был ранен один казак... (там-же стр. 429). Далее... „в районе Самсоновки... со слов того-же Бакуревича, киргизские девушки „театрально расфранчивались и бросались со скал вниз головой на глазах казаков (там-же стр. 428). Наконец, „...Бакуревич сообщил, что он утром воздвигает виселицу (в каком селении или городе Г. И. Бройдо не указывает) для устрашения населения. На возражения... он заявил, что „мои ребята и без виселицы в таком случае обойдутся".—На следующий день были „изловлены" 16 мирных жителей Токмака, давно порвавшие со степью и убито 13 на шерстомойке Милушева и тут же закопаны и 3 около бойни (см. там-же).

[25]) См. дело № 39, стр. 102.

[26]) Имеется еще и третий рассказ о Беловодской панаме у Г. И. Бройдо в его „показании":—14-го в Беловодском приставом Грибановским были арестованы 138 киргиз и при бумаге и под охраной нескольких дружинников препровождены в уездное Управление. Уездный начальник до этого дня был пристав г. Пишпека П. (бывший маркер, назначен на эту должность г. Фольбаумом). В этот день был назначен Путинцев. У Путинцева сидели инженеры: Васильев и Нефедов, когда явился кто то и доложил, что привели 35 киргиз из Беловодска арестованных. Прочтя бумагу, Путинцев сообщил, что препровождено 138, Оказалось, что арестованные были избиты по дороге в Сукулаке и Челоказаках, при чем в живых осталось лишь 35 человек. Получив распоряжение куда нибудь их поместить, пришедший ушел. И вот в этот самый вечер часов в 10—11 на церковной площади этим киргизам было приказано лечь, и они были городовыми дружинниками перебиты штыками под музыку из сада, не употребивши ни одного патрона (свидетели доктор Ветрович и инженер Нефедин). Портной Штейнфель сообщил мне, что «он был на дежурстве в качестве дружинника, пришел городовой и

сказал: «смотри, чтобы никто не проходил, сейчас будем коньчать киргиз». Другую партию пристав велел встретить за городом и там перебить, «чтобы не было шума». С площади трупы (говорят были и живые люди) были вывезены, по распоряжению пристава, в степь «где берут глину» и там закопаны. Солдат, бывший в карауле, рассказывал помощнику пристава тов. Рубинштейну, что в уездном управлении били и несколько уже там убили: что пристав велел увести на площадь и дать им отдохнуть, а через полчаса приехал на площадь, спросил: «уж отдохнули» и, получив утвердительный ответ, приказал вывезти трупы. Арык был запружен и кровь смыта. Воинский начальник по этому поводу заявил, что об этой истории не надо говорить, так как придется установить версию, что они сделали попытку бежать. В тот же день 14-го в Беловодске, вслед за арестованными, явились пешком киргизы с просьбами о том, чтобы арестованных освободили. На базаре было еще много любопытных, образовалась толпа свыше 600 человек, их окружили и ввели во двор волостного управления. Вся эта толпа без одного выстрела была перебита палками, поленьями, топорами».—См. «Материалы», стр. 431.

[27]) См. дело № 39, стр. 108.

[28]) См. там-же стр. 56.

[29]) См. там-же стр. 17.

[30]) См. там-же стр. 18.

[31]) См. там-же стр. 53.

[32]) См. там-же стр. 21.

[33]) См. там-же стр. 22.

[34]) См. там-же стр. 39.

[35]) См. там-же стр. 40.

[36]) См. там-же стр. 42.

[37]) См. там-же стр. 43.

[38]) См. там-же стр. 19.

[39]) См. там-же стр. 44.

[40]) См. там-же стр. 45.

[41]) См. там-же стр. 44.

[42а]) Рассказ кр—на о разрушении киргизами Сазоновки и об осаде, которую выдержали сазоновцы в казенном саду см. у А. Брискина (стр. 51—53).

[42]) См. дело № 39, стр. 27.

[43]) См. там-же стр. 46.

[44]) См. там-же стр. 71.

[45]) См. там-же стр. 73.

[46]) См. там-же стр. 70.

[47]) См. там-же стр. 74.

[48]) См. там-же стр. 87.

[49]) См. там-же стр. 88.

[50]) См. там-же стр. 89.

[51]) См. там-же стр. 94. Казак-киргизы рода Суан принадлежат к старшей орде. По данным на 1917 г. их числилось в Джаркентском уезде—40.000 чел. (См. Тынышпаев М., стр. 63).

[52]) Киргизы рода «атбан», имевшие свои кочевья на пограничной с Китаем линии, были крайне не спокойными, свободолюбивыми, чем принесли русскому правительству много неприятностей. Приняв в 1854 году русское подданство, они уже в 1866 году перешли в только что образованное в Илийском крае Таранчинское султанство. Возвращенные оттуда в 1872 году при свержении Колпаковским султанства и поселенные на левом берегу Или, они в 1875 году вторично двинулись в Китайские пределы, но были выданы китайцами и поселены в глубине Джаркентского уезда на запад. По транскрипции М. Тынышпаева «адбан». Род этот входит в состав старшей орды и по данным на 1917 год в Верненском уезде казаков этого рода было 10.000 ч. и в Джаркентском—70.000 ч. (см. Тынышпаев, стр. 63).

[53]) См. дело № 39, стр. 96.

[54]) См. там-же стр. 27.
[55]) См. там-же стр. 63.
[56]) См. там-же стр. 86.
[57]) См. там-же стр. 88.
[58]) См. там-же стр. 104.
[59]) См. там-же стр. 101.
[60]) См. там-же стр. 107.
[61]) См. там-же стр. 106.
[62]) См. там-же стр. 107.
[63]) Приказ военного губернатора области от 2 октября 1916 года за № 636.
[64]) Приказ военного губернатора области от 12 сентября № 537.
[65]) См. дело № 39, стр. 62.
[66]) См. там-же стр. 63.
[67]) См. «Материалы по истории восстания киргиз в 1916 году», «Новый Восток»—Журнал Научной Ассоциации Востоковедения Союза ССР под редакцией М. Павловича. Книга 6, Москва 1924 г., стр. 407—434. Тоже в отдельном оттиске под заглавием «Восстание киргиз в 1916 году». Москва 1925 год, стр. 1—28. Цитирую по статье, помещенной в журнале.
[68]) См. там-же стр. 434.
[69]) Между прочим в выпущенном Туркестанским генерал-губернатором Духовским «об'явлении» по делу о, так называемом, андижанском восстании (Фергана) в 1898 году, генерал писал: «Белый царь удостоил принять под свой скипетр мусульман Средней Азии для того, что бы они, их дети, внуки, правнуки и дальнейшие поколения, живя в мире и благоденствии, воздавали хвалу богу и, помня присягу за полученные благодеяния, отвечали сердечной преданностью русскому царю и русскому народу, трудами и кровью которых водворен мир и порядок вместо прежчих смут и беспрерывных раздоров. Да послужит событие 18 мая с его последствиями уроком на будущее время».

Смотреть «Семиреченские Областные Ведомости». Часть неофициальная. Верный. 1898 год. № 56 от 11 сентября.
[70]) См. дело № 39, стр. 56.
[71]) «Хадж»—паломничество мусульман в города Аравии: Хаджас, Мекку и Медину, связанные с воспоминаниями о жизни и проповеднической деятельности Магомета.
[72]) Сарыбагиши—сильный кара-киргизский род. кочевья которого находятся в Пишпекском уезде. Руководимые своим старшим манапом Джантаем, они оказали упорное сопротивление русской колонизации при продвижении ее в Чуйскую долину. В конце 18-го столетия кокандцами были выстроены крепости Пишпек, Токмак, Ак-Су, Кара-Балты, Кочкарка, Джумгал, Тогус-Тарау, Куртка и в Верненском уезде на реке Каскелене крепость Тау-Чубек, разрушенную русскими войсками в 1850 году. В 1862 году с падением Кокандских крепостей и присоединением к владениям России всего Зачуйского края, сарыбагиши приняли русское подданство (смотреть историческую часть «Материалов по обследованию туземного и русско-старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранных и разработанных под руководством П. П. Румянцева», СПБ, 1914 год. Том IV, стр. 3-я).
[73a]) Отец Мукуша Шабданова, Монап Шадман или Шабдан Джантаев имел чин зауряд войскового старшины, этот чин получен им был на коронации царя Александра III. Шабдан был сыном „знаменитого манапа Джантая..., около юрты коего убит пленнный им мятежный султан Кенисара". (См. фон-Герн Вл. «Из записной книжки». Этнографические заметки. Характер и права киргизов-казаков. „Памятная книжка-Семипалатинской области на 1899 г.". Семипалатинск, 1899 г, стр. 13, в примечании под двумя звездочками). А. Брискин (стр. 113) передает следующий рассказ слышанный им от Каракольского генерала, 82 лет, сподвижника Пржевальского и Скобелева: «В Пишпекском уезде... жил один почтенный киргиз Шабдан, который за свои услуги правительству получил чин майора, у него было три сына. Один из этих сыновей оказался негодяем и, поссорившись с отцом, убежал в Турцию. Когда началась великая

война, немцы использовали его как агента, снабдили деньгами и через Афганистан переправили в Семиречье. Здесь он подкупил несколько волостных управителей и поднял бунт".

[73]) Интересно отметить, что еще триста тринадцать лет тому назад, именно в 1612 году во время, так называемого в русской истории «междуцарствия» (борьба Польши с русскими дворянами, купечеством и земскими людьми) Полымские вогулы подняли восстание, желая избавиться «от эксплоатации и притеснений, которым они подвергались со стороны русских служилых людей». Поводом к восстанию послужило затруднительное положение Московского государства, главным образом желание правительства «сформировать из них особые отряды в помощь северным городам». (Смотреть А. Гневушев. Восстание Полымских вогулов в 1616 году. «Сибирские Записки». Журнал литературный, научный и политический. г. Красноярск. 1916 год. Январь № 1, стр. 117—121).

[74]) См. дело № 39 на стр. 31. Показание пленных, бежавших от киргиз.

[75]) См. дело № 39, стр. 105.

[76]) См. В. Е. Недзвецкий. Узун-Агачское дело. Историческая справка к пятидесятилетнему юбилею 21 октября 1860 – 1910 г. Издание Семиреченского Статистического Комитета, г. Верный. 1910 г. стр. 91.

[77]) См. «Новый Восток». Книга 5. Москва, 1924 год, страница 221. Кстати здесь будет уместно заметить, что нельзя не согласиться с Г. И. Бройдо, что киргизы совершенно апатичны к религии («Новый Восток» книга 6, стр. 421), но в то же время нельзя без достаточных оснований делать и выводов «о распространении (в свое время), христианства среди киргиз» только потому, что на открытых в Семиречьи ориенталистом Пантусовым, доктором Поярковым и ученым садоводом Фетисовым христианских несторианских надгробных памятниках (XIV век)", установлены тюркские имена (стр. 420). Определенных указаний на то, что эти имена принадлежали киргизам, мы нигде не видим, тем более, что, как известно, в состав тюрков входили не только киргизы, но и другие, населявшие в то время Семиречье, народности.

[78]) См. дело № 39, стр. 89.

[79]) Цитировано по коллективно составленной статье А. Н. Седельниковым, А. Н. Букейхановым и С. Д. Чедовым «Исторические судьбы киргизского края и культурные его успехи», составляющей четвертую главу в отделе «Населения» XVIII тома «Россия». Полное географическое описание нашего отечества, под редакцией П. П. Семенова. Киргизский край СПБ. 1903 год, стр. 156.

[80]) См. Г. Ф. Чиркин „Положение переселенческого дела в Семиречьи" (СПБ 1909(?) год) стр. 142. Издание Переселенческого Управления Г. У. З. и З. Между прочим переселенческие чиновники смотрели на постройку скотоводами—степняками зимовок, как на «фиктивный процесс» перехода киргиз к оседлости, а потому полагали наиболее целесообразным поставить „определенно и категорически" вопрос о снесении киргизских зимовок, дабы этим расчистить дорогу к поступительному ходу... землеустройства киргиз и беспрепятственному внедрению в степь русских поселений".—Кроме того в зимовках Главное Переселенческое Управление усматривало „искусственный буфер", который должен стать препятствием к проникновению земледелия в степь и в горы. Наконец, эти же чиновники уверены были, что продвижение русской колонизации создаст антагонизм не между сталкивающимися национальностями (русскими пришельцами и киргизами), а между частью киргиз—сторонников земледелия и сторонников скотоводчества, почему оставляя первый и основной фактор в стороне,—делали вывод, что киргизские волнения в степи являются результатом „борьбы скотоводов против колонизации и оседания киргиз-земледельцев". (См. Г. Ф. Чиркин стр. 84—86 и 87).

[81]) См. XVIII том „России", стр. 156.

[82]) См. Н. Н. Фирсов. Чтение по истории Сибири. Выпуск 1. Москва, 1920 года, стр. 60. Издание Русского Библиографического Института Бр. А. И. Гранат и К-о.

[83]) Ненависть эта ложилась, в свою очередь, тяжелым бременем на карман враждующих, ибо последние должны были прибегать к мерам крупного взяточничества, что бы „смилостивить" грозную власть и насытить ее алчные аппетиты. Поэтому, которая

сторона больше давала взяток, та, конечно, оказывалась права и на некоторое время могла рассчитывать на более или менее благополучное существование. Но и эта мера-мера взяточничества была паллиативная, временная, ибо давший сегодня взятку не был гарантирован от того, что завтра ему придется вторично дать эту взятку русской власти, но уже в удвоенном или утроенном размере. Система взяточничества в степи настолько приобрела права гражданства, что и высшая русская власть стала смотреть на эту систему, как на систему „добровольных подношений", отмечающую собой „особенные заботы русского правительства о кочевниках". С этой точки зрения (легального взяточничества) мы рассматриваем и имевший место в Зайсанском приставстве в 1877 году факт отправления киргизами в подарок великому князю Николаю Николаевичу старшему юрты, оцененной не более не менее как „в 10.000 рублей". (см. корреспонденцию из Омска в газете „Сибирь" 1877 г., № 39).—Это ли не открытый грабеж кочевого населения?

Интересная и вместе с тем в высшей степени пикантная история получилась с этой злополучной юртой. Мысль о поднесении „подарка" в виде юрты, возникла под довольно суровым давлением со стороны Зайсанского пристава и стоила кочевому населению баснословных, по тому времени, денег, т. к. была сделана из самого отборного и вышитого шелками войлока белого цвета. Остов юрты скреплялся выточенными серебряными гвоздиками. Дверцы имели серебряные скобы. Была назначена целая комиссия для сопровождения этой юрты в Петроград, но дорогой, когда юрта доставлена была уже в Омск, один из сопровождающих ее киргиз заболел сибирской язвой, о чем срочно было сообщено в Петроград. Испуганные заразной болезнью власти предложили „немедленно" задержать эту юрту. Юрта была возвращена в Семипалатинск и долгое время находилась в Областном Правлении. В экстро-ординарных случаях она появлялась на торжественных вечерах, встречах и благотворительных гуляньях. Одновременно с этим великолепные войлока стали заменяться все меньшими по размеру и значительно худшими по качеству, и в результате юрта эта Областным Правлением была продана с аукциона за 500 рублей гражданину Березницкому.

Между прочим в 1888 году (?) при проезде через Семипалатинск французского принца Орлеанского, чудака и охотника по натуре, последний местными властями был встречен именно в этой юрте, при чем местный губернатор, чтобы пустить в глаза пыль „высокочтимому гостю" устроил нечто вроде пикника на берегу Иртыша близ теперешнего затона, где заранее были пойманы стерляди, содержащиеся в специально приготовленных для этого садках. На глазах принца были закинуты сети, в которые пущена была находящаяся в садках рыба. В результате принц-охотник, не подозревая обмана, был чрезвычайно доволен, кушая уху из стерлядей, пойманных при его участии. Таким образом затеи Зайсанского пристава, пикники губернатора Щетинина, забавы принца и благополучие Березницкого многим киргизам стоили полного разорения.

[84]) По данным «Обзора Семиреченской области за 1910 год» город Верный, 1911 год, стр. 55.

[85]) По данным «Обзора Семиреченской области за 1911 год» гор. Верный, 1912 год., стр. 45.

[86]) По данным В. Е. Недзвецкого «Административное устройство, оседлые пункты и кочевые волости Семиреченской области». г. Верный, 1913 год, стр. 148—199.

[87]) См. том III. Джаркентский уезд, СПБ, 1912 год, стр. 376.

[88]) См. вышеупомянутые «обзоры».

[89]) В об'явленном приказе о реквизиции говорилось: «Государю императору благоугодно было в 25 день сего июня высочайше повелеть ныне же привлечь на остальное время войны, для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, освобожденных от воинской повинности инородцев империи. Приему в ближайшую очередь подлежат киргизы, родившиеся между 1897 и 1885 годами, т. е. в возрасте от 19 до 31 года. Лица эти привлекаются реквизиционным порядком не в ряды войск, а для нужных армии работ. Я питаю твердую надежду, что киргизы беспрекословно отзовутся на царский призыв и тем вновь на деле

докажут свою преданность царю и родине, как доказали ее раньше своими трудами и заботами по призрению семей запасных нижних чинов, призванных на войну».

[90]) См. Н. Майский. Современная Монголия. Отчет Монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской конторой Всероссийского Центрального Союза Потребительских Обществ «Центросоюз». Иркутск, 1921 год, стр 208.

[91]) См. Сельско-хозяйственный обзор Семиреченской области за 1914 год, г. Верный, 1915 год, стр. 57. Составлен под руководством А. Л. Бурыгина. Издание. Г. У. З. и З. Семиреченский Переселенческий Район, Отдел текущей статистики.

[92]) Здесь кстати будет заметить, что несмотря на перепроизводство хлеба киргизское население в эти годы имело большой недород и продолжало голодовать, ибо правительство менее всего заботилось о помощи голодающему туземному населению сдав хлебные остатки частным винокуренным заводам.

[93]) См. Ф. Поярков «Последний эпизод дунганского восстания» (Маленькая страница из прошлой жизни Семиречья). „Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области на 1901 год». Город Верный, 1901 год, стр. 66.

[94]) См. Н. М. Ядринцев «Инородческие бедствия», «Восточное Обозрение», СПБ, 1886 год, стр. 24.

[95]) См. Ф. Поярков там-же стр. 62.

[96]) По киргизски: «оруспенен жоздас балсан жаныкда балтанг болсун».

[97]) Дунгане-китайцы магометанского вероисповедания, в разное время переселившиеся из центрального Китая в Син-Дзянскую провинцию, в частности в Илийский край, совместно с таранчами и киргизами в 1864 году подняли восстание против деспотического правления в Илийском крае. Насколько велико было восстание видно хотя бы из того факта, что 28 февраля 1866 года Илийский Дзянь-Дзюнь (генерал-губернатор) со всеми приближенными покончил самоубийством.

Восстание имело временный успех. Оно завершилось образованием таранчинского султанства, возглавляемого Абиль-Оглы-Ханом.

Однако царское правительство нашло для себя невыгодным иметь под боком автономное государство, которому явно стали симпатизировать кочевавшие на границе с Россией киргизы из сильного рода Кызай, почему правительство решило нанести удар в спину Таранчинскому султанатству и в 1871 году последнее потеряло самостоятельность под напором двух русских карательных экспедиций: Болон-Тохойской и Кульджинской, занявших в том же 1871 году Илийский край, а через 10 лет, передавших его во владение Китая.

Как и восстание 1916 года, расправа с автономистами была крайне жестокой и таранчи вновь обратились в рабов, как это было в 1760 г., когда они в количестве 6000 человек (хлебопашцев), в целях колонизации Илийского края, были выселены китайцами из Восточного Туркестана для обрабатывания земель, устроения поселков, крепостей и проч.

В результате свержения Таранчинского султанатства, таранчинское и киргизское население было обложено контрибуцией в 53.000 рублей, наложенной на них генералом Колпаковским—в то время вершителем судеб всего Илийского края и Семиречья.

Таранчинско-дунганскому восстанию в Илийском крае предшествовало дунганское восстание, вспыхнувшее в 1861 году, немного позже так называемого восстания тайпингов (в 1853 году, возглавляемого сельским учителем Хун) в провинции Шань-Си. Заподозренные в связи с тайпингами, дунгане подверглись жестокому преследованию и после ожесточенного сопротивления, часть из них под руководством своего революционного вождя Биан-ху (Боян-Хо) в конце 1877 года пришла через границу в русское пограничное укрепление Нарын, приняла русское подданство и была водворена в Пишпекском уезде с образованием Дунганского поселка Кара-Кунуз (или по дунгански Ха-ла Гунь-Гунь-Дзы).

Первое время пришельцы были крайне разочарованы, т. к. это время совпало с голодом в степи. Русское население (казачество) отнеслось к пришельцам совершенно равнодушно и, пользуясь их беспомощностью, прежде всего занялось обирательством.

Смотреть: А. Дьяков. «Воспоминания Илийского сибинца о дунганско-таранчинском восстании в 1864—1871 годах в Илийском крае». Записки Восточного Отдела И. Р. Архивного (?) Общества, СПБ 1908 год, том XIII, в.—2 и 3, страницы 233—282 и том XIX стр. 215 и 216.

Н. Н. Пантусов „Война мусульман против китайцев" (Китаби Газат дермульки чин). Выпуск I-й, Казань, 1880 год, стр. 7—144. Текст наречия таранчей выпуск 2-й. Январь 1887 год, страницы 1—72. Приложения (песни и комментарии). Сочинение это принадлежит таранчинскому мулле Биллялю, Пантусосу-же перевод и комментарии.

Ф. Поярков „Последний эпизод дунганского восстания (Маленькая страница из прошлой жизни Семиречья). Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской Области на 1901 год". Издание Семиреченского Областного Статистического Комитета. Верный, 1901 год, стр. 1—76.

В. П. Васильев «Китайцы новые подданные России». «Восточное обозрение» СПБ, 1887 год № 2. Кызаевцы в 1847 г. приняли русское подданство, в этом же году 4 августа дали обязательство не чинить „вреда киргизам - подданным России". в свою очередь, в том же году 29 июля между старшим султаном Аягузского приказа и султаном Кызаевских волостей было подписано соглашение о взаимном доверии (См. Коншин Н. „Материалы для истории Степного Края" гл. VI: „к истории открытия Кокпектинского округа. «Записка Семипалат. п/отдела». Зап-Сиб. Отдела И. Р. Г. О. г. (Семипалатинск 1905 г. Вып. II, стр. 122 и 123).

[98]) В данном случае киргизский народ мог сохранить в памяти исторический факт. когда султан большой орды, сын Аблайхана и брат Валихана—Сюк, желая наследовать хану Букею обратился к русскому правительству с просьбой принять подвластных ему киргиз в русское подданство. Царь Александр I-й, воспользовавшись этим предложением. удовлетворил просьбу Сюка и в 1819 году приказал выстроить ему дом и мечеть на восточной стороне озера Балхаша и кроме того „пожаловал" ему чин 8 класса (См. «Материалы» П. П. Румянцева, уезд Копальский стр. 13).

Однако из примечания к «Выписке из журнала Общего Присутствия Комитетов Сибирского и Азиатского 28 декабря 1831 г. и 14 декабря 1832 года №№ 9 и 17»—видно. что „предположение же постройки дома и мечети не могло быть исполнено, частью потому, что вскоре после того принят иной план образования степи наших киргизов. частью по изведанной впоследствии слабости влияния его на тех 50000 киргизов, кои считаются ему подвластными, частью же и потому, что временные постройки отрядом нашим в 1825 году сделанные близ кочевьев его на реке Каратале... Китайскому правительству не понравились» (см. Коншин Н., стр. 60).

[99]) См. Г. И. Бройдо. стр. 428.

[100]) См. Миндлин „Киргизы и Революция" Новый Восток. Книга V. Москва 1924 год. стр. 220 и 222.

[101]) См. дело № 39, стр. 102. А. Брискину (стр. 39) „рассказывал один кулак как он полчаса резал киргизу горло: „порежу, порежу да покурю, а он лежит у меня связанный да кровью хлюпает. Ведь сволочь то такая шесть коней у меня угнал". В другом месте (стр. 113) рассказ некоего Кирякина „...на усмирение ходил, так их (киргиз) как свиней резали".

[102]) См. там-же стр. 14 и 16.

[103]) Краткая история этих калмыков-торгутов такова. После ссоры их хана Аюки с зятем Цеван-Арабтаном они в 1703 году откочевали на Волгу. В 1712—1715 годах китайский император Кай-Хи послал к торгутам на Волгу своего мандарина Тулишена с приглашением вернуться. Но Тулишен русскими властями допущен к торгутам не был. Однако. 58 лет спустя в царствовании Цян-Луня торгуты вместе со своим ханом Убаши в 1771 году прошли казачьи степи и озеро Балхаш и попали на реку Или. Здесь были приняты китайцами, которые дали торгутам льготы. предоставили пастбища, в долине реки Тикеса—левого притока реки Или, берущего начало в системе Музартов, Тяньшаньского хребта (см. „Материалы" П.П. Румянцева том III. Верненский уезд стр. 12, 13)

[104]) См. дело № 39, стр. 61.

105) См. дело № 39, стр. 63—67.

106) В том числе: киргиз-казаков—92.269 человек и кара-киргиз 171.181 человек.

107) По данным М. Тынышпаева (стр. 63) в Семиреченской области киргиз-казаков насчитывалось на 1917 год, (в круглых цифрах)

в Пишпекском уезде . .	80.000 чел.
в Верненском „ . .	210.000 чел.
в Джаркентском „ . .	110.000 чел.
в Копальском „ . .	200.000 чел.
в Лепсинском „ . .	150.000 чел.
Всего .	30.000 чел.

По данным же Н. И. Зарубина („Список народностей Туркестанского края“ Ленинград, 1925 г., стр. 11 „Труды Комиссии по изучению племенного состава населения“ № 9. Изд. Всесоюзной Академии Наук) в 1917 г. киргиз-казаков насчитывалось.

в Пишпекском уезде . .	— чел.
в Верненском „ . .	160.529 чел.
в Джаркентском „ . .	43.592 чел.
в Копальском „ . .	167.478 чел.
в Лепсинском „ . .	129.876 чел.
Всего .	501.475 чел.

Разницу в двести слишком тысяч (228.525) следует отнести за счет несовершенства областной статистики.

По данным того-же Зарубина (стр. 11, 16, 18, 19 и 20) не русского населения в Семиречьи в 1917 г. насчитывалось за исключением казак-киргизов:

	Пишпек. уезд	Вернен. у.	Пржев. у.	Нарын. у.	Джар. у.	Всего.
кара-киргизов . .	161.113	—	14.546	41.956	—	217.615
узбеков (включая сартов) расселено по всей области					6606	6.606
сарт-калмыков (монголы-мусульмане, перекочевавшие в русские пределы в 70 годах прошлого столетия)	—	—	2 394	—	—	2.394
дунган	10.627	2.136	—	—	3.916	16.679
таранчей и кашкарлыков (уйгуров) . .	—	30.518	—	—	30.470	60.988
Всего	171.740	32.654	16.940	41.956	40.992	304.282

Об укочевках в Китай и имущественных потерях имеются также указания у А. Брискина (стр. 41) ...„всего укочевало в Китай 73.000 кибиток. Считая 5,1 душ на одну кибитку, это составляет 263.430 ч., т. е. 20% всего киргизского населения края. Имущественные потери ...одними только лошадьми составляет для:

Верненского уезда	9.33% общего поголовья
Джаркентского „	79.09% „ „
Пишпекского „	43.46% „ „
Каракольского „ (Пржевальского)	77.91% „ „
Лепсинского „	10.77% „ „

По словам Н. Коншина (стр. 31) „удаление в Китай было вообще излюбленным средством, к которому прибегали киргизы, так или иначе недовольные русскими порядками“.

Из истории киргиз, кочующих в пределах Семипалатинской области, мы также имеем целый ряд примеров, указанных тем же Н. Коншиным (стр. 30, 31, 32 и 33): в 1842 г.—один из Баки-Матаевских родов Ильгонды откочевал под предводительством старшины Джалбагая Балапанова в Китай к кызаевцам; в 1847 г. киргизы Караул-Ясыковской вол. в составе 99 кибиток, зимовавших вблизи уроч. Каш-Тюбе откочевали в Китай; в мае месяце этого же года 67 киб. Сарджумартовской вол. и позднее еще 30 кибиток; в 1848 г. Сарджумартовцев откочевало 34 кибитки.

Откочевки эти продолжались и в последующие годы.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО (БИБЛИОТЕКА)